

Обнаженная тьма

Автор:

[Елена Арсеньева](#)

Обнаженная тьма

Елена Арсеньева

Несчастье обрушилось на семью Синцовых в один день. Александру похитили ради выкупа. Сто тысяч долларов за... участкового врача с зарплатой в семьсот рубликов?! Но спустя несколько дней ее неожиданно освободили. Придя домой, она узнает, что именно в день похищения умерла ее сестра. Мед эксперт поставил диагноз – инфаркт. Знакомая же утверждала, что Карину сбила машина. Пытаясь установить истинную причину гибели сестры, Александра едет на подстанцию «Скорой помощи». Но тот, кто мог бы ей помочь, убит...

Елена Арсеньева

Обнаженная тьма

Автор искренне благодарит сотрудников Пятой Градской больницы Нижнего Новгорода за помощь в работе над книгой.

Черный джип летел по ночному городу, как стремительный сгусток тьмы. Жизнь в Нижнем, особенно зимой, когда темнеть начинает чуть ли не в четыре, замирает после восьми вечера, и улицы были практически пусты. Какое-то время позади так же быстро мчалась «Скорая помощь», но потом то ли отстала, то ли свернула. Проспект засвистел мимо со скоростью сто пятьдесят километров в час.

– Быстрей, – послышался голос с заднего сиденья. Голос звучал спокойно, однако водитель прекрасно знал, чего стоит это спокойствие.

– Успеем, – мягко сказал он, послушно увеличивая скорость, но тут же сбрасывая ее до прежней.

Он и так идет слишком быстро по одной из центральных магистралей города. Достаточно, что благодаря мигалке и сирене игнорирует светофоры. А сиреной злоупотреблять нельзя: если обратит внимание и прицепится какой-нибудь принципиальный придурок-автоинспектор, беды не оберешься. Или выскочи сейчас, не дай бог, под колеса кошка либо собака... на такой скорости всем конец. И, что гораздо важнее, всему!

Оставалось надеяться, что в такую пору кошки и собаки, как и нормальные менты, носа на улицу не высовывают.

Начался спуск на мост, пришлось притормозить: к ночи подмораживало, стало скользко.

– Быстрей! – В голосе пассажира появились истерические нотки.

– Успеем!

Джип вылетел на мост. Слева мелькнула красивая церковь, и водитель мысленно попросил: «Господи, помоги нам!»

Господь много чего мог бы сделать, если бы захотел. Очистить путь до аэропорта для него – плевое дело. Осталось каких-то десять минут езды, ему не придется особо напрягаться. Еще нужно гарантировать своевременный вылет самолета. Счастье, что небо чистое, ясное, усыпанное мелкими колючими звездами, то есть летную погоду добрый боженька уже обеспечил.

Водитель одобрительно мигнул какой-то звездочке, которая назойливо лезла в поле его зрения. Молодец, старикан! Четко работает – не зря говорят, что старый конь борозды не портит! Он поймал себя на том, что думает о боге как об одном из их команды, словно и господь принимал участие в операции наравне с ним и другими ее участниками. И если на напарника была возложена задача

принять груз и обеспечить его сохранность, на него самого – как можно быстрее доставить груз сперва в аэропорт, а потом из аэропорта до места назначения, то у бога были свои участки работы, с которыми он справлялся пока что с блеском.

Сзади раздался тяжелый вздох, и водитель спрятал усмешку – такое облегчение слышалось в этом звуке. Конечно, домчаться до аэропорта от самого центра города за двадцать минут – это круто. Это очень круто!

Теперь на стоянку; вон из машины; запирать джип нет времени, да и пес с ним, его скоро заберут, только не забыть сдернуть мигалку с крыши, чтобы не привлекать ненужного внимания. Бегом в здание, к стойке регистрации номер четыре, над которой еще не сменилось название прежнего рейса «Н. Новгород – Киев»...

«Еще загонят по ошибке в Киев!» – подумал он ни с того ни с сего.

Глаза у аэропортовской барышни просто-таки на лбу:

– Да где же вы?! Я понимаю, рейс чартерный, но хоть какой-то порядок должен же быть! Из-за вас задержится вылет в Борисполь!

Махнула досадливо рукой и со всех ног побежала к служебному выходу на поле с надписью «Посторонним вход строго воспрещен», потому что барышня тоже была в деле и знала: проходить досмотр им ни к чему.

Водитель оглянулся. Его напарник бережно прижимал к груди маленький квадратный чемоданчик. Лицо бледное, губа закушена.

– Помочь?

Тот не потратил времени даже на то, чтобы покачать головой. Впрочем, вопрос вырвался совершенно машинально: водитель знал, что напарник не выпустит драгоценный груз, даже если к его виску приставят пистолет.

Самолет далеко, черт... Ого, какой ветрила здесь, на поле! Кепку сорвало, унесло. Краем глаза водитель увидел, что за компанию улетела в темноту шерстяная шапочка его напарника. Седые, коротко стриженные волосы стали

дыбом, да и у самого водителя вид наверняка ничуть не лучше. Скользкие бетонные плиты, черное небо в вышине, ледяной ветер вышибает из глаз слезы, а в ушах нарастает мощный рокот мотора.

Трап, обогнувший бегущую по летному полю троицу, уже подъезжал к самолету. Наверху отворилась овальная дверца, и через несколько мгновений все трое, еле дыша, ввалились в сумеречное тепло.

Сопровождающая обменялась торопливыми репликами с бортпроводницей, потом обернулась к своим спутникам:

– Ну, счастливо!

Зябка обхватила плечи – водитель только сейчас заметил, что девушка даже не оделась, так и бежала в легоньком синем костюмчике, – и выскочила на трап. Дверцу снова закрыли.

– Проходите, пожалуйста.

Напарник сел в хвосте, водитель, уклоняясь от косых, любопытных взглядов стюардессы – не иначе пассажиры банк грабанули, больно уж вид у них перебулгаченный! – устроился через проход. Защелкнул на животе привязной ремень, покосился на чемоданчик, пристегнутый к запястью напарника и стоящий у него на коленях. С этим чемоданчиком они здорово похожи на дипкурьеров из какого-то американского фильма. Впрочем, дипкурьеры не бегают в обтерханных джинсах и пропотевших куртешках. А от его напарника вдобавок несет какой-то медицинской гадостью.

– Господа, экипаж к взлету готов. Счастливого пути!

Ну, давай, поехали, поехали! Сказано же было – взлетать, как только пассажиры будут на борту.

Он одернул себя. Ладно, угомонись. Пока допустимо слегка перевести дух. Чего они точно не смогут сделать, так это заставить самолет лететь быстрее. Тут даже сам господь бог бессилен...

Водитель посмотрел на часы. Со времени начала операции прошло около часу. И еще час полета, потом час, это как минимум, мчаться от аэропорта... Получится три. А всего у них в запасе самое большее – четыре часа. Хорошо, если в аэропорту их ждет вертолет, как было обещано. Ну а если нет? Если придется гнать по Москве на четырех колесах?

И тут он впервые осознал, что напарник беспокоился не зря: они могут не успеть!

* * *

Днем Александра нашла часы, а ровно через сутки ее похитили.

Всякий раз, когда Александра находила часы, что-нибудь да приключалось. Больше всего запомнилось, как она первый раз нашла часы в песке на Гребном канале. Прибежала радостная домой, – и узнала от бабки, что мать уехала. «Сбежала с хахалем» – бросила их. Александре было тогда пять лет.

Потом она не раз находила часы по всяческим большим и мелким пакостным случаям: например, перед тем как вдруг объявился некогда пропавший отец и неприязненно сообщил, что ни бывшая теща, ни дочь не могут отныне рассчитывать на него, поскольку у его новой жены родился ребенок. Хотя это событие из неприятного потом превратилось в приятное, ибо со своей мачехой, Ангелиной Владимировной, Александра со страшной силой подружилась, а сводная сестра вообще жила у нее, когда перебралась в Нижний.

Последний раз Александра нашла часы накануне того дня, как решила, на радость сестре, бросить «этого маменькиного сынка, который выпил из тебя всю душу». С той поры прошел чуть ли не год, и постепенно она привыкла к одиночеству, спокойствию, безрадостности новой своей жизни (хотя приносила ли радость любовь к Косте – это еще большой вопрос!) и беспокоилась только о том, как бы не слишком привязаться к сестре, не превратиться в сверхзаботливую няньку при этой хорошенькой вертихвостке и не начать невольно вымещать на веселом молоденьком существе унылое мирозерцание потенциальной старой девы.

Или все-таки в двадцать семь уже можно считаться законченной, а не потенциальной старой девой? Особенно если у тебя волосы цвета пепла, зачесанные со лба и забранные старинной бабушкиной гребенкой, плакатнорумяные щеки, неприступно вздернутый круглый подбородок и болезненное пристрастие к серому, от цвета глаз и до цвета тонкой шифоновой блузки, воротничок которой иногда можно разглядеть под накрахмаленным белым халатом?

«Я похожа на бабушку в молодости, – уныло думала Александра, когда ей приходила фантазия задержаться у зеркала. – Вернее сказать, у меня ужасно старомодное лицо! Все-таки я типичная старая дева».

Она как-то упускала из виду, что бабушка совсем не была старой девой. Вот уж нет! Она немало испортила крови своему мужу, да и дочь ее, Александрина шалая мамаша, взяла свое в жизни, прежде чем утонула на неведомой реке Зее, катаясь на лодочке, для которой оказалась не в подъем пьяная компания. И с отцовской стороны наследственность была нормальная, если судить по сестре, у которой в восемнадцать лет имелся за плечами один неудачный, трагический, можно сказать, любовный роман, а сейчас, по-видимому, раскручивался второй, о котором Александре ничего толком не было известно. Восемнадцать лет – и два кавалера! А у нее... Ну что ж, в семье не без урода!

Впрочем, вернемся к часам. Благодаря предупредительности судьбы, которая как бы пыталась возмещать этими мелкими находками грядущие весомые потери, Александра никогда не имела собственных часов, то есть купленных или подаренных, а не найденных на дороге. И вот однажды последние («Костины», как она с издевкой называла их) часы пропали. Еще утром, выходя из дому, Александра застегнула их на руке, а когда после вызовов вернулась в поликлинику, обнаружила, что ее запястье опустело. Где, когда, в какую воду канули красивые часы марки «Чайка» в корпусе, отделанном под дерево, и с красным кожаным ремешком – неведомо.

Однако она никогда не беспокоилась по этому поводу, зная, что будет день – будет и пища, одно ушло – зато придет другое: бог пошлет! Что в придачу к часам тот же бог пошлет какую-нибудь гадость, Александра старалась не думать!

Миновала неделя, другая, но Александрино запястье все еще пустовало, как брачное ложе в ожидании подгулявших молодоженов. И настолько осточертело

беспрестанно спрашивать всех встречных-поперечных, который час, что она начала всерьез задумываться о покупке хронометра.

Но судьба не иначе как решила поберечь ее кошелек...

Итак, это случилось днем. Александра бежала по Высоковскому проезду. Бежала, впрочем, не то слово: после оттепели крутой узехонький тротуарчик покрылся рыжей снежной кашей, ударивший прошлой ночью заморозок превратил слякоть в лед. Здесь, в сплошном частном секторе, жившем по своим законам, чистить тротуар считалось городским предрассудком. За день дорожку расходили и разъездили так, что Александра не падала на этой скользанке только сущим чудом. Вдобавок она сегодня, не ожидая такой подлянки от природы, надела сапоги на высоких каблуках... Словом, неудивительно, что старик Филатов (хронический бронхит, застарелый радикулит и артрит, но сердце работает как, извините за выражение, часы, а желудок способен переварить железные гайки), который, по обыкновению, стоял у ограды, согнувшись в три погибели, подпирая пятой точкой ворота и уложив клешнястые руки на клюку, при виде семенившей Александры спросил не без ехидства:

– Бежишь, что ль, Егоровна?

– Бегу, бегу, дедуля, – сквозь зубы процедила Александра, слишком занятая преодолением закона Ньютона, чтобы быть приветливой.

– Ну, я и вижу, что бежишь, как гулявица по печи, – прокомментировал дедушка, а вслед за тем издал что-то вроде восхищенного хохотка, потому что не каждый день увидишь такую внушительную демонстрацию закона земного притяжения.

Мало того, что было скользко, – под каблук Александре попался какой-то камушек или круглая ледышка, что и стало причиной катастрофического падения. Она не просто села, а грохнулась на спину и, оглушенная, какое-то время не могла пошевелиться, медленно съезжая по ледяной дорожке вниз, а когда подняла голову, старик Филатов уже скрылся за сугробом, слышно было только его характерное кхеканье.

Круто начинался ноябрь, одно слово – круто!

Наконец, Александра медленно перевернулась на бок и начала подниматься на четвереньки, то и дело охая от боли в ушибленном копчике. На счастье, улица была пуста, да и занавески в окнах, отодвинутые из любопытства, вроде бы не дрожали, так что зрелище копошившейся на льду Александры, пожалуй, не нанесло непоправимого урона ее авторитету участкового врача. Хотя нет, мелькнула худая невысокая фигура. Какой-то подросток выскочил из-за сугроба, растерянно уставился на Александру и тотчас, словно испугавшись, метнулся обратно.

Ну и манеры, блин, у русского народа! Нет чтобы помочь даме подняться!

Справилась в конце концов сама. Однако стоило встать и сделать шаг, как под каблуком опять что-то скользнуло, ноги поехали вперед – и Александра, завалившись назад, снова накрепко прижалась ко льду ушибленной частью тела. Из глаз даже слезы брызнули! Не поднимаясь, она решила ликвидировать роковую помеху, пошарила под ногами...

Ну что же, некоторые дважды наступают на грабли, а она, выходит, дважды наступила на часы!

Не веря своим глазам, Александра рассматривала плоскую, эффектную, наверняка дорогую тикалку с импортной неразборчивой надписью на круглом циферблате. Часы шли и даже показывали половину второго.

Александра взвилась с такой стремительностью, словно ледяной тротуар под ней вдруг превратился в раскаленную сковородку, и понеслась вниз, к остановке автобуса, более не заботясь ни о репутации, ни о законах физики, ни о собственной безопасности.

Половина второго! Через полчаса начинается прием в поликлинике, а до нее еще надо доехать! И придется проститься с мечтами об обеде, а ведь она сегодня из-за спора с Кариной не успела позавтракать. И теперь останется голодная до позднего вечера, опять придется наесться на ночь, а потом с тоской ощупывать на себе эти лишние килограммы. Ну почему она такая принципиальная дура, что не может заставить себя выпить чаю хотя бы в одном из тех шестнадцати високовских домов, которые посетила сегодня по вызовам? У Котовановых и Веселовых были пирожки (с мясом-рисом и капустой-яйцами соответственно), а бабуля Витрищак хвалилась оладьями с медом, привезенным аж из Дивеева...

Впрочем, пирожки и оладьи с медом – это тоже лишние килограммы, а чаю ей дадут в регистратуре, пусть бы и пустого, успокоила себя Александра, вскакивая в любимый автобус номер 47 и помахивая во все стороны проездным. Усевшись в уголке, она блаженно вытянула усталые ноги и стала размышлять, что же такое «гулявица», которая семенит по печи. Сороконожка, что ли? Ну, дедуля!

Потом, уже у входа в поликлинику, Александра машинально покосилась на запястье, порадовалась, что прибежала без двух минут два, то есть фактически не опоздала, – и только тут осознала, что новые часы уже на руке. Когда успела надеть их – неведомо. Однако не сами же они застегнулись на запястье! Ну что же, «привычка свыше нам дана, замена счастью она...».

Счастью? Как бы не так!

* * *

Ему пришлось звонить долго, даже очень долго, прежде чем за дверью объявились признаки жизни. Другой человек на его месте давно бы плюнул и ушел, однако он все давил и давил на кнопку звонка. Хозяин был дома, просто не хотел открывать. Гость точно знал, что он дома: не далее как четверть часа назад засек мелькнувшую меж плотно задвинутых штор полоску света. Исключено, чтобы при той патологической скупости, какой страдал этот человек, он ушел бы из дому, не выключив электричества!

Однако хозяин не только отвратительно скуп, но и мерзко терпелив. Да у него у самого уже трещит голова от этих непрерывных трелей, а тот все терпит, терпит... зубами небось скрипит, а терпит!

А может, хозяина и правда нет? То есть он в доме, но не сидит где-нибудь на кухне, треская сало, а валяется на полу в комнате с простреленным лбом или перерезанным горлом или висит под потолком на крюке от люстры с неловко вывернутой шеей?

Кстати, не исключено. Рано или поздно до него доберутся те, кто этого очень хочет, кто видит эту масляную рожу в самых страшных, окровавленных снах, – и тогда... Хотя эта сволочь, конечно, хорошо забила в щель, так просто не

сыщешь.

Он решил было дать отдохнуть своим ушам и пальцу, и в это самое мгновение даже не услышал – ощутил за дверью какое-то шевеление.

– Кто тут? – спросил настороженный голос.

– Свои! – радостно ответил гость, становясь так, чтобы его было видно в «глазок».

– Что еще за свои? Нету у меня никаких своих! – раздалось за дверью недовольное бурчание, однако «глазок» все-таки осветился, а через мгновение раздалось удивленное восклицание, и начался процесс открывания дверей.

«Вот это точно! Никаких своих для тебя нет, только чужие», – подумал гость, стоически снося лязганье замков и засовов. Создавалось такое впечатление, что открывают не квартиру, а какой-то амбар, так все гремело и ухало.

«На месте воров я грабанул бы его просто из спортивного интереса, – угрюмо усмехнулся гость. – Хотя боится он не воров...»

Как гласит вековая мудрость, все на свете когда-нибудь кончается. Окончилось и ожидание перед лязгающей дверью. Она скупой приотворилась, недовольный голос так же скупой отмерил словцо:

– Входи.

«Ну это уж ты расщедрился! – усмехнулся гость. – Тут бочком, бочком вползти бы...»

Наконец-то он проник в нору этого загнанного зверя! Ничего, хорошая нора. Трехкомнатная, просторная. Добротный и, пожалуй, дорогой мебельный гарнитур, какие-то сервизы, сервизы на полках горки... Куда столько одному человеку? Захламлено все, правда, донельзя, мебель покрыта толстым слоем пыли. И запахок, конечно, выдающийся... Обычно такой уровень запахка зовут емким и выразительным словцом – вонища. Впрочем, трудно ожидать, чтобы загнанный зверь еще и порядок наводил в своем логове...

Гость обратил внимание на стопки пыльных газет, громоздившиеся на диване, на стульях, на полу. Глаз у него был острый, да и знал, чего ждать, поэтому сразу приметил, что газеты здесь были в основном украинские и молдавские. А на русском языке – только «Казачья правда»: боевой листок, издававшийся «горсткой казачков-экстремистов» – то есть тех, кто носил штаны с лампасами и бряцал шашкой с темляком не ради одного лишь опереточного эффекта.

Гость представил себе, сколько кайфа словили бы «казачки-экстремисты», доведись им оказаться в этой квартире, – и огорченно покачал головой.

«Увы, ребята, при всем моем к вам уважении эта информация не для вас... Все, что я могу для вас сделать, это когда-нибудь потом, через некоторое время, дать вам знать – конфиденциально, разумеется, и строго инкогнито, – что самое заветное ваше желание выполнено, некий пан, вернее, домнул,[1 - Господин (молдав., румын.).] уже приказал...»

– Ты чего, в музей пришел? – неприветливо прозвучало рядом, и гость увидел «некоего пана, вернее, домнула», который подозрительно уставил на него свои на диво большие и красивые карие глаза, одним словом, очи: влажные, в круто загнутых длинных ресницах и под соболиными бровями. Да и губы были под стать очам: совершенно девичьи, вишневые, пухлые. Все прочее выглядело, как бы это помягче выразиться, довольно хреново. Очевидно, господь бог, или кто там еще на небесах распределяет по людям красоту, малость подустал, забылся и ляпнул прельстительные глазки, брови и ротик на угреватую, сальную морду прирожденного убийцы.

«Полегче! – одернул себя гость, вдруг ощутив, что стал как-то подозрительно часто дышать, а руки сами собою стискиваются в кулаки. Он их даже сунул в карманы, чтоб не поддаваться искушению. – Тебе ведь и нужен такой тип: убийца и в то же время трус!»

– Слушай, чем это у тебя, извиняюсь за выражение, так воняет? – спросил он, безглаголиво морщась, и чуть не захохотал, когда очаровательный ротик хозяина обиженно скривился:

– Воняет? Та ты шо, сказився? То ж я кушаю. Сало жарю!

Слово «сало» он произнес по-особому нежно, врасстяжку, как бы даже с придыханием: «С-са-а-ало...» И гость, который успел послужить в армии еще во времена «Союза нерушимого», когда в одной казарме проходили муштру все представители многонациональной семьи братских народов, вдруг вспомнил, как в дни увольнительных, праздников там разных и выходных, когда прочие солдатики разбегались по киношкам-свиданкам, украинская, не побоюсь этого слова, диаспора уединялась в каком-нибудь укромном уголке, например в сушилке. Русские называли этот процесс так: «Тиха украинская ночь, но сало трэба заховаты!» Хохлы выставляли на стол посылки родни, доселе надежно захованные от боевых товарищей, и начинали пластать ножиками желтоватые, крупно посыпанные серой солью и щедро утыканые зубчиками чеснока куски «настоящего украинского сала» с темно-бордовыми, почти черными, как запекшаяся кровь, прослойками мяса. И часами они жевали его, молотили челюстями, а то и глотали жадно, не жуя, – жрали, тупо уставив в угол свои «карие очи» и сыто рыгая...

– А, сало, – хрипло сказал гость, с трудом одолевая приступ тошноты. – Ну, ты уж извини, потом докушаешь, ладно? Мне с тобой поговорить маленько надо. По важному делу.

– А шо такое? – насторожился хозяин.

– Да есть тут до тебя одна невеликая просьба, Хведько Сыч... – обронил гость и едва не засмеялся от наслаждения, увидав, какая судорога прошла вдруг это упитанное, сальное тело, как побледнела толстощекая морда.

Жирная ладонь скользнула под полу заношенной спортивной фуфайки, но гость насмешливо качнул головой:

– Не дергайся. Ты что, думаешь, я сюда один пришел?

На самом-то деле он был один. Но брезгливость и отвращение, вызываемые в нем этим отродьем человеческим, были столь сильны, что для страха места просто не оставалось.

– Чого ты хочешь? – со своим неистребимым акцентом спросил Сыч, медленно вынимая пустую ладонь. – Видкеля прознал?

– Ну-у... – Гость пожал плечами. – Мало ли! Например, посмотрел на эту фотку и думаю, мать честная, знакомые все лица...

Он сделал эффектное движение рукой, как фокусник, который выбрасывает козырную карту из рукава, однако на запыленный стол вылетела не карта, а карточка – фотоснимок. На самом деле знакомым гостю было не все, а только одно лицо из трех изображенных. Это было лицо Сыча – лет на десять помоложе, малость поубористей размерами, однако такого же губастого и глазастого. Правда, волосы его тогда не прилегали к черепу жиденькими прядками, а вились тугими, жирными кольцами. Два других лица под смушковыми казачьими папахами были настолько обезображены страданием и окровавлены, что казались схожими, как лица двух мертвых, замученных близнецов. Их отрубленные головы были насажены на колья, а держал колья в обеих руках, выпятив грудь и красуясь, словно силач на помосте, не кто иной, как Сыч.

– Вспоминаешь солнечное Приднестровье? – негромко спросил гость, невинно улыбаясь.

Сыч не издал ни звука, только неопределенно мотнул головой.

– Если ты поднимешь подшивки «Казачьей правды», кои так бережно хранишь, то непременно наткнешься на этот снимок. Оригинал я получил в редакции, – пояснил гость. – А еще – исчерпывающее досье на гражданина Украины Хведора Хведоровича Сыча, за совершенные преступления разыскиваемого и на родимой Хохляндии, и в несчастной Приднестровской республике. Правда, ищут его не столько органы правопорядка, сколько обуреваемые жаждой мести казачки, которых когда-то немало-таки положил ций гарнесенький хлопчик. Единственно, где Сыч мог бы чувствовать себя национальным героем, это в Молдове, во имя территориальной целостности которой он и пролил немало казачьей кровушки, а также кровушки жителей поселка Приречный. Семьями вырезал он там народ, кварталами, улицами...

В горле гостя что-то заклокотало, однако он подавил приступ тошноты и с прежней холодноватой, как бы отстраненной улыбочкой продолжал:

– Но там его быстренько растерзали бы в клочки, и пошли бы те клочки по закоулочкам... Поэтому он поступил совершенно правильно, скрывшись на бескрайних российских просторах. Ни в редакции «Казачьей правды», ни в

штабе движения «Вольница казачья» никто и знать не знает, что Хведько Сыч ныне называет себя Федором Сычовым и трудится в скромной должности фельдшера Нижегородской районной подстанции «Скорой помощи». Повторяю, об этом не знает никто, кроме меня...

Гость сделал крохотную паузу и в этот миг испытал чувство, схожее с тем, какое испытывает человек, ступивший на тонкий лед и ощутивший, как он гнется, дрожит под ногой: проломится или нет? Рука Сыча снова скользнула под полу куртки – и снова безвольно упала, когда гость договорил:

– И еще тех троих, которые ждут меня около твоей двери. Так что не надейся – мою голову тебе нацепить на древко не удастся. И не тяни ручонки под мышку, будто у тебя чесотка, не дергайся. Что там? Пистоль? Или твой знаменитый булатный ножичек по прозвищу Кашей? Кстати, а правда, что на вашей дурацкой мове «Кашей бессмертный» – «Чахлик немрущий»?

Мгновенное сверкание карих очей заставило его усмехнуться:

– Повторяю, не дергайся, Сыч. Сейчас я скажу тебе кое-что очень смешное. На самом деле мне на все это, – он брезгливо кивнул на страшную фотографию, – совершенно наплевать. И мне, и тем, кто работает вместе со мной...

– Чого ж тобі трэба? – хрипло выговорил Сыч.

– Да уж не сала! – хмыкнул гость, прислоняясь к косяку двери: он устал стоять, однако сесть хотя бы на краешек стула в этой комнате брезговал.

– А чого ж тоди?

– Выражайся на языке той страны, в которой живешь! – скривил губы гость. – Тут тебе, друже, не какая-нибудь западенская батькивщина!

Сыч опять люто сверкнул очами, но опустил голову, промолчал. Гость тоже выждал паузу, а затем заговорил – негромко, внушительно:

– Давай договоримся о терминах. Повторяю: нам плевать на твое боевое прошлое. Как только ты сделаешь то, что нам нужно, я передам тебе лично в

руки папочку, в которой лежат с десяток подобных кошмарных фотографий, распечатка твоего досье, а также дискета с этим самым досье. Все это изъято из штаба «Вольницы». Когда наше дело будет сделано, все файлы на Сыча в компьютерах «Казачьей правды» и «Вольницы» будут немедленно уничтожены. Можешь в этом не сомневаться. Кроме того...

Гость сделал еще одно эффектное движение рукой – и поймал в ладонь выпавшую из рукава куртки пачку денег в пластиковой банковской упаковке.

– Здесь пять тысяч долларов. Это аванс. По окончании работы ты получишь еще столько же. Разумеется, если будешь мне помогать, а также оставишь дурацкие попытки то и дело чесать под мышкой. Овчинка выделки не стоит, поверь! Сейчас тебе выгодно сотрудничать со мной. Как говорится на вильной Вкраине, голодранцы усих краин, в едину купку – геть! Что в переводе на нормальный человеческий язык означает: пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Он с наслаждением поймал взглядом судорогу, пробежавшую по лицу хохла-убийцы.

– Получишь деньги, документы – и ты вольная птица. А я уйду, откуда пришел, и наши пути никогда больше не пересекутся. Как, согласен работать на таких условиях?

Сыч окинул его медленным взглядом своих влажных воловьих очей. Он увидел высокого худощавого человека, который стоял, сунув руки в карманы, чуть склонив к плечу непокрытую голову, и холодно улыбался. Во всем его облике было спокойствие – непоколебимое спокойствие бесстрашия. Находясь наедине с убийцей, он был абсолютно бесстрашен, словно за его спиной стояла такая сила, рядом с которой даже мстительные казаки из «Вольницы» – просто мальчишки.

Сыч покосился на пачку в пластиковой упаковке. Да, он знал имя этой силы. Она зовется – Деньги. И ей в самом деле бесполезно противостоять.

– Годится, – сказал он. – Чого треба сробить? То есть это... чего делать-то?

* * *

Загадочной гулявицей оказалась самая обыкновенная голубка. Дома Александра прочла про нее в словаре и пожала плечами: а печь тут при чем? Сказано же было – «бежишь, как гулявица по печи». Придется, видимо, спросить самого Филатова. Нынче после обеда у нее опять с десятков вызовов в Высокове, не миновать встречи с ехидным стариком.

Обход вызовов Александра решила начать с десятого дома. Это был единственный, причем огромный многоэтажный дом на ее участке, все остальное – частный сектор. Из его окон открывался поразительно красивый вид на все холмистое Высоково с его живописными склонами и церковью на горюшке, поэтому неудивительно, что в этом доме жили и никуда не собирались переезжать многие значительные люди, даром что здесь отнюдь не центр. Обитали тут чиновники из городской и областной администрации и даже один банкир, который, по слухам, начал строить себе обалденный особняк на улице Родионова, как раз над Волгой, а потом банк его «завис», как компьютерная программа, «зависли» на счетах деньги вкладчиков, «зависло» и строительство особняка. Однажды Александра даже сподобилась увидеть натуральную демонстрацию обманутых вкладчиков около дома, где жил Золотов. Фамилия у банкира действительно была именно Золотов! Демонстранты вели себя вполне прилично – правда, потрясали плакатами и метали вокруг хмурые взоры, однако не кричали, не бранились, общественный порядок не нарушали, да и было их всего человек шесть, поэтому из милицейской машины, припарковавшейся тут же, даже никто не вышел. Постояли протестанты – и разошлись ни с чем. Да они небось уже ни на что и не надеялись. Ну а Золотов вечером спокойно приехал домой на своем шикарном «БМВ», высадил жену и дочь – обе в несусветных норках, с надменно-брезгливыми лицами, какие, словно по мановению волшебной палочки, вдруг образовались у всех новорусских женщин, раньше бывших совершенно нормальными тетками и девчонками. Сам же уехал куда-то, наверное, прожигать жизнь, просаживать в казино остатние денежки обманутых вкладчиков, как предположили две бабки, прогуливавшие своих тощеньких собачонок и судачившие у подъезда.

За все три года Александриной работы Золотовы ни разу не вызывали на дом участкового врача и на прием в поликлинику не ходили: наверное, не болели, а может, лечились в платных больницах. Поэтому Александра была немало изумлена, когда в списке вызовов увидела имя Алины Золотовой, дочери того самого преступного банкира.

Она и оживилась, и огорчилась. Оживилась потому, что любопытно все-таки побывать у настоящего «нового русского», откупившего целые три квартиры на этаже, посмотреть, как теперь живут настоящие богачи. А огорчилась потому, что власть и деньги имущий народ с годами хамел все больше и больше и, что самое противное, обожал оттачивать свое хамство на нищете и бедноте, к которой относились теперь и участковые врачи. Сказывался, по мнению Александры, генетический быдлизм... Она уже заранее слышала брезгливые интонации в голосах прихворнувшей Алины и ее маменьки, видела их высокомерные физиономии. Поэтому, поднявшись на пятый этаж и нажав на кнопку звонка, Александра напаялила на себя самую что ни на есть надменную маску, закинула голову и даже нижнюю губу заносчиво оттопырила, приготовившись процедить сакраментальную фразу: «Врача вызывали?»

Однако ее великолепный маневр пропал втуне: на звонок никто не отозвался.

Александра дважды нажала на кнопку, потом уткнула в нее палец и довольно долго вслушивалась в заливистые трели, доносившиеся из недр квартиры. Но на звонок так никто и не отозвался. Пожав плечами, она сбегала вниз по лестнице. В ее работе такое бывало: люди вызывали врача по пустячному поводу, а потом забывали и о своей хвори, и о человеке, который будет к ним идти, тратить время... Сначала это бесило, а теперь Александра относилась к подобным вещам философски. Наверняка Золотовы отъехали к очередному платному специалисту. Ну и ладно, хлопот меньше. Теперь в соседний подъезд, к двум хроникам: желудочнику и сердечнику.

Александра вышла во двор, щурясь от сверкающей белизны свежавыпавшего снежка. И в это время мужской голос окликнул:

– Алька!

Она и не хотела, а вздрогнула. Так ее называл единственный человек на свете, которому не нравилось ни ее полное имя, ни производные от него: Саша, Шура, Саня. Имя Алька, с точки зрения Кости Виноградского, звучало гораздо эффектнее и романтичнее. С точки зрения Александры, оно больше напоминало собачью кличку.

Так или иначе, с Костей Виноградским, а значит, и с Алькой уже около года было покончено. Однако рефлексy – штука устойчивая, их так просто не истребишь,

поэтому Александра невольно завертела головой и уставилась на громоздкий, темно поблескивающий автомобиль, откуда ей кто-то приглашающе махал.

«Неужели Костенька разбогател-таки, как и грозился? – мелькнула мысль. – Разбогател и прикупил себе столь пошлую тачку? И, выходит, права была сестричка, когда уверяла, что все его презрение к роскошным машинам можно объяснить одной классической фразой: «Зелен виноград». Так, может, и я презираю норковые шубки по той же причине?»

Александра вообще была склонна к самокритике и неуместным философствованиям... Занятая этим процессом, она безотчетно шагнула к автомобилю и не успела ахнуть, как сидевший на заднем сиденье человек схватил ее за руку и рванул к себе, а в это время еще кто-то подскочил сзади и втолкнул в машину, да так грубо, что Александра выронила сумку.

– Вы что?! – только и успела выкрикнуть она, однако широкая ладонь грубо зажала ей рот, в лицо глянули темные прищуренные глаза, а чей-то голос рявкнул:

– Заткнись, а то подохнешь!

В то же мгновение нечто острое, дырявя куртку и свитер, больно клюнуло ее меж ребер, и Александра обмерла, поняв, что ей в бок уткнули нож. Она подавилась криком, мечась взором по двум незнакомым хмурым лицам, надежно укрытым «чеченками» с прорезями для глаз. Рядом на сиденье вскочил еще кто-то, и машина рванула с места.

– Тихо сиди! – посоветовал этот последний пассажир, и в руках его что-то липко, противно затрещало.

Что это было, Александра поняла, когда полоска пластыря надежно и болезненно запечатала ей глаза, а потом и рот. И все это время острие ножа стерегло каждое ее движение, отнимая последнюю, истерическую надежду на то, что это какой-то Костин розыгрыш, что он, не смирившись с их разрывом, вдруг явился в компании мрачных друзей и похитил возлюбленную Александру, плюнув и на ее возможные возражения, и на истерики собственной мамы, и вообще на всю свою жизнь закоренелого холостяка. Но не стал бы Костя дырявить ей бок ножиком, не стал бы заклеивать глаза и рот, не стал бы

обмениваться с приятелями отрывистыми репликами, из которых Александра ничего не могла понять. Костя разразился бы тягучей тирадой, восхваляющей его роль в мировом эволюционном процессе, но прежде всего – руководящую роль его маменьки...

Александра вздрогнула так сильно, что сидевший рядом человек грозно шикнул и шевельнул острием у ребра.

О чем она только думает?! Да пусть они провалятся, Костя и его маманя! Ее ведь похитили!

Зачем? Почему? Что с нее можно взять, кроме денег, которых у нее ни гроша в буквальном и переносном смысле, и застоявшейся, как лошадка в стойле, девственности? Тоже сомнительное богатство... Представить, что у кого-то могло возникнуть такое сногшибательное и острое желание, ради которого стоило бы идти на ее похищение, Александра была не в состоянии, несмотря на буйную фантазию.

Впрочем, она уже вообще ничего не могла вообразить. Мысли метались, как взволнованные воробьи, иногда вообще уносясь куда-то вдаль и ввысь, и тогда Александра с потусторонним изумлением ощущала, что голова становится пустой и гулкой. Беспамятство плескалось совсем рядом, грозя нахлынуть и затопить сознание, тошнота подкатывала к горлу, потому что автомобиль то разгонялся, то резко тормозил. Еще слава богу, что убрали нож, потому что при внезапном толчке ее могли бы нечаянно прирезать. Но сейчас отнюдь не это казалось самым страшным.

«Если меня укачает и начнет рвать, я задохнусь!» – мелькнула жуткая в своей отвратительности догадка. Перепуганная Александра вскинула руки, остававшиеся несвязанными, и сорвала пластырь со рта.

На нее тут же навалилось тяжелое тело, выламывая руки, давя ладонью на лицо, опять послышался мерзкий треск пластыря, отрываемого от рулона, однако Александра успела выкрикнуть:

– Мне плохо, меня тошнит! – И треск прекратился.

– Кричать нэ нада, – послышался грубый голос. – Тогда убьем. Понатно?

Александра тупо кивнула.

Господи... еще не легче! Что за идиотский акцент? Кавказец, что ли? То есть, выходит, ее похитили кавказцы? Чеченцы?!

Тело обмякло, голова упала на спинку сиденья. Крик ужаса рвался из горла, но страх перед угрозой заставлял его сдерживать.

Вдруг свежее, прохладное дуновение коснулось лица, и Александра поняла, что ее похитители приоткрыли окно.

Покрытое потом лицо сразу остыло, в голове слегка прояснилось. Если они заботятся о ее самочувствии, значит, решили довести до места живой и относительно здоровой. Не исключено, конечно, что беспокоит посетителей всего-навсего опасение, что им потом придется мыть салон машины, однако и за это надо благодарить судьбу. Жаль, что логика не подсказала этого с самого начала, когда в бок ей уткнули нож, а она сразу – брык и перестала сопротивляться. Ни один здравомыслящий владелец навороченной и внушительной тачки не станет осквернять свою красавицу пролитием крови на кожаные сиденья просторного салона. Это была просто острастка, а она купилась, как дура! Надо было биться, орать, чтобы привлечь к себе как можно больше внимания, чтобы хоть кто-то увидел, как ее затапливают в машину, и, может быть, заметил бы номер, позвонил в милицию... Ладно, двор был пуст, но вдруг кто-нибудь смотрел в окно?!

Впрочем, какой смысл предаваться ненужному самобичеванию? Все равно ничего нельзя исправить. Остается покориться судьбе, потому что не справиться ей с тремя ражими мужиками. Она попыталась вспомнить, как выглядят похитители, но в памяти маячили только широченные плечи да грозно мерцали глаза в прорезях «чеченок».

– Не проскочи поворот, – слышался негромкий голос, и Александра радостно встрепенулась: это говорил русский. Что ей давала эта информация, чему она радовалась, было совершенно непонятно. Братья славяне зачастую зверствуют похлеще иных мусульман. «Озверел народ, – слышался ей вдруг голос старика Филатова, – озверел до полной волчьей лютости!» Вот именно. Может быть, это чеченцы наняли русских, чтобы помочь похитить Александру?

Но зачем, господи, зачем?! Кому она вообще нужна? Или уже началось насильственное обращение в мусульманство особо стойких православных? Но Александра совсем даже не стойкая, в церковь ходит годом-родом, вообще вспоминает о боге, только когда ей чего-то от него нужно...

А что, если дело тут вовсе не в религии, а в ее профессии? Вдруг бандитам понадобился врач? Там, в Чечне, сейчас туго приходится и нашим, и вашим. Ну да, и «ваши» везут Александру за тридевять земель, аж из Нижнего Новгорода, чтоб она обходила позиции со своей сумкой...

Боевой участковый врач, да? Это уж полный бред! Вдобавок сумку она выронила, и та осталась валяться во дворе Золотовых.

Автомобиль резко встал, и Александру дернуло вперед.

– Приехали, – хмуро сообщил русский. – Сейчас заклею рот, но ты не бойся, это ненадолго. Главное, не дергайся.

– Я не... – начала было Александра, но не успела договорить: «Я не буду кричать». Липкая лента приклеилась ко рту. К тому же теперь ей таким же пластырем перетянули и запястья. Потом довольно бесцеремонно вытолкнули из машины – Александра успела сильно втянуть носом свежий морозный воздух – и, крепко держа под руки, ее потащили по скользким ступенькам куда-то вниз, во влажную духоту.

* * *

«Не успели снега выпасть, а уж и ступить нельзя!» – устало подумала Надежда Лаврентьевна, осторожно выставляя ногу с тротуара на дорогу.

Черная полоска льда угрожающе поблескивала в свете фонаря. Надежда Лаврентьевна сделала всего один осторожный, крадущийся шаг, однако у нее тотчас заболело сердце, когда в начале крутого спуска вдруг вспыхнули огни приближающегося автомобиля. В прошлом году на этом самом месте она так упала среди бела дня, что сломала правую руку в двух местах. А почему упала? Вот так же неся сверху черный «танк», мрачный, непреклонный, совсем не собиравшийся притормаживать, хотя на светофоре был красный свет. Надежда

Лаврентьевна испугалась, хотя сама-то шла на зеленый, заспешила, ну и... У нее и сейчас перехватывало дыхание от воспоминаний о боли, о слезах, которые ослепили ее. Она лежала на льду, ничего не видя, не соображая от этой боли, – только слышала, как взвизгнули по льду шины «танка», который лихо обогнул ее, да и был таков.

Сколько мучений она натерпелась с тем переломом, знает только сама Надежда Лаврентьевна. Ведь ей уже давно, ох, давно за семьдесят, косточки не те, что были в шестнадцать, когда она упала на всем скаку с коня – и ничего, встала да пошла, всего-то и прихрамывала чуть-чуть!

Вспомнив, какой она была тоненькой, стройной зеленоглазой блондинкой, Надежда Лаврентьевна нежно улыбнулась своей юности и уже смелее пошла по ледяной дороге, тем более что фары погасли так же внезапно, как и вспыхнули.

Она старалась ставить ноги боком, как ставила раньше при подъеме на лыжах на крутую горку, и перешла дорогу в общем-то благополучно, только разок поскользнувшись. «Нет, в следующий раз пусть Мишенька меня провожает, – с облегчением переводя дух, сказала себе Надежда Лаврентьевна. – Сначала Олечку, потом меня, потом еще кого-нибудь...»

Мишенька был внуком старинной подружки Надежды Лаврентьевны. Звали ее Анной Гавриловной, и нынче у нее был день рождения, и после застолья, которое сопровождалось, как водится, некоторым потреблением домашних и покупных напитков, гости расползлись до дома, не совсем твердо ступая по скользким улицам.

– Девчонки, да вы погодите, Мишенька отведет Валечку, а потом и вас, – твердила пьяненькая и усталая Анна Гавриловна, однако Валечка жила далеко, на Красносельской, ждать Мишиного возвращения не меньше получаса, а Надежде Лаврентьевне вдруг вбилося в голову, что она не выключила утюг, когда собиралась на праздник, и беспокойство заставило поспешить. Пожара, конечно, не будет: утюг стоит на толстенной керамической подставке, она отчетливо помнила, как поставила его туда, однако вдруг перегорит? Это ж какие траты по нынешним временам – новый-то покупать! Поэтому Надежда Лаврентьевна решила идти и приятельницу Олечку, Ольгу Павловну, с собой утащила.

Олечку она оставила возле ее дома, где магазин «Серая лошадь», а сама потихоньку побрела к себе на улицу Алексеевскую. Ну теперь уже ничего, дом совсем рядом.

Навстречу легкой трусцой приближалась серебристая фигура. Девушка в шелестящем, сверкающем спортивном костюме проскочила мимо, обдав Надежду Лаврентьевну свежим запахом разгоряченного молодого тела и сосредоточенным сверканием глаз.

«Худеет небось, – подумала Надежда Лаврентьевна. – Нынче они все худеют, как ошалелые».

Она невольно улыбнулась, вспомнив, что этими худеющими фанатиками парк Кулибина заполняется утром и вечером, да так, что гуляющему человеку нормальным пешим шагом и не пройти. Даже как-то жутко становится при виде этих медленно рысящих, сосредоточенных фигур. Особенно когда стемнеет! Ведь парк Кулибина разбит на месте старого кладбища, поневоле забоишься, приняв какого-нибудь бегуна за неприкаянного призрака.

И вдруг услышала шум мотора, свист шин по льду, удар, крик...

Сердце так и сжалось страхом! Обернулась, в первую минуту ничего не видя, кроме удаляющихся на полной скорости красненьких огоньков, и не сразу различила темную скомканную тень на льду.

Боже мой, господи! Та бегунья! Ее сбило машиной!

Надежда Лаврентьевна, с трудом передвигая вмиг онемевшие ноги, ринулась к перекрестку. Темная фигурка не шевелилась. Ой, и никого, ни души вокруг, некого даже на помощь позвать, а тот мерзавец уехал как ни в чем не бывало! Все они, все они такие, нынешние-то, бездушные и бессердечные. Лишь бы иномарка была на ходу, а кого она сомнет своим ходом – это им совершенно безразлично!

Дыхание у Надежды Лаврентьевны мгновенно сбилось, сердце частило так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Она прижала его ладонью, сквозь слезы глядя вперед. Да какая же из нее помощница, ей и самой помощь нужна...

Огляделась без всякой надежды. Телефоны-автоматы теперь такая редкость. Здесь, она точно знает, ни одного нет до самого кинотеатра «Спутник», а туда еще два квартала. Нет, надо все-таки собраться с силами, подойти к сбитой девушке, поглядеть, может, ее просто отшвырнуло, ушибло, может, все не так страшно...

Перекресток был уже совсем близко, когда сердце снова стиснулось приступом боли. Надежда Лаврентьевна кое-как доковыляла до стены ближнего дома, оперлась на нее, с усилием вбирая в грудь морозный воздух. И чуть не упала от ужаса, увидев, что на взгорке опять вспыхнули фары.

Сверху спускается машина. И если водитель не увидит девушку, то наедет на нее!

Надежда Лаврентьевна слабо крикнула, слабо махнула рукой – и замерла с приоткрытым ртом, изумленная свершившимся на ее глазах чудом.

Это была не просто машина. Это была «Скорая»!

Надежда Лаврентьевна стояла и плакала слезами умиления, глядя, как «Скорая» тормознула у обочины, как из нее выскочили две фигуры, склонились над лежащей, потом вытащили из машины носилки, переложили на них беспомощное тело и поставили носилки в машину. «Скорая» мигнула фарами и унеслась по направлению к площади Горького.

«А сирена? – всхлипнула Надежда Лаврентьевна. – Что ж они сирену-то не включили? Чтоб им всем уступали дорогу, чтоб побыстрее!»

И тут же она нашла ответ на вопрос. Наверное, состояние девушки не опасное, наверное, у нее просто легкий ушиб, вот и спешки никакой нет. Ей окажут помощь прямо в машине, а потом отвезут домой.

Надежда Лаврентьевна еще раз поглядела на темную дорожку льда, на которую сеялся реденький снежок. Ох, какое опасное место! Больше она никогда здесь переходить дорогу не будет, только по противоположной стороне, где ровный тротуар и совершенно не скользко. Да ей теперь на это место и смотреть-то будет страшно!

Надежда Лаврентьевна повернулась и побрела к своему дому, осторожно переставляя ноги. Снег усиливался с каждой минутой, перед фонарями неслись белые сверкающие вихри, и, как всегда при виде свежего, прекрасного снега, настроение у Надежды Лаврентьевны мгновенно улучшилось. Всю жизнь в дни ноябрьских снегопадов ее осеняла эта полудетская вера в чудо, в счастье.

«Все будет хорошо, – твердила она себе, как молитву. – И девушка не пострадала, и утюг я выключила, и к завтрашнему дню снегом так все засыплет, что от скользоты даже помину не останется!»

Так оно все и вышло. Вернее, почти все.

* * *

Следующие три дня Александра провела, сидя на полу, на собственной куртке. Сбоку проходила вертикальная труба отопления, и Александра была прикована к этой трубе наручником. К счастью, наручник достаточно свободно скользил по трубе вверх-вниз, так что Александра могла и опускать окольцованную левую руку, и поднимать. То, что это именно счастье, она поняла довольно скоро, когда от постоянного сидения начали затекать ноги и захотелось встать. Окажись труба толстой, ей пришлось бы все время сидеть, а если стоять, то согнувшись в три погибели. А так можно было выпрямиться и сделать хотя бы шаг в сторону, на длину цепи. Вокруг этой трубы Александра и бродила, как лошадь возле коновязи, благодаря судьбу за то, что мучители хотя бы не стреножили ее другой парой наручников. Или правильней было бы назвать их наножниками? Этого Александре – опять-таки, к счастью, – выяснить не удалось.

Ей не пришлось долго мучиться неведением относительно своей судьбы. Буквально спустя час после того, как ее притащили в этот полутемный, душный подвал и приковали к трубе, трое похитителей ненадолго ушли, а потом вернулись, неся яркую переноску на длинном шнуре и видеокамеру.

Теперь похитители были одеты в одинаковые спортивные костюмы – синие, синтетические, такое ощущение, что еще советских времен, уж больно допотопный вид у них был! Однако шапочки с прорезями для глаз по-прежнему укрывали их лица. Похоже, это причиняло им немалые неудобства – в подвале

было жарко, – однако, вопреки надеждам Александры, никто из похитителей не сорвал в раздражении шапочку и не вытер пот со лба, невольно дав ей возможность увидеть свое лицо. А впрочем, какой в этом был бы прок? Наоборот – лучше бы ей не видеть их! Лучше не знать, кто они такие! Пусть пребывают в убеждении, что Александра совершенно безвредна для них: даже если столкнется потом где-нибудь нос к носу, не сможет опознать!

«Потом где-нибудь...» Господи, о каком «потом» могла идти речь, если Александра не знала, сколько часов, а может быть, и минут жизни ей отмерено!

Да, они очень старались скрыть свой истинный облик. Для этого служили и шапочки, для этого похитители говорили измененными голосами. Александре показалось, что «кавказский» акцент одного из них был грубой подделкой: он говорил ну в точности как учитель в том анекдоте про необъяснимые загадки русского языка: сол-фасол и вилька-тарелька. Впрочем, что она понимала в акцентах... Другие двое вообще старались помалкивать и держаться в стороне, предпочитая роль наблюдателей или охранников. В основном говорил и действовал «кавказец». Вскоре она стала называть его про себя «человек со шрамом». Для этого прозвища появились очень веские основания...

Короче говоря, похитители явились перед Александрой в режущем ярком свете многоваттной переноски и предъявили требование начитать на видеокамеру определенный текст. Текст этот незамедлительно был Александре вручен. Он имел вид листочка в клеточку, выдранного, похоже, из ученической тетрадки, на котором коряво, однако вполне грамотно, без ошибок было написано:

«Дорогие мои близкие и родные! Я похищена с целью получения выкупа. Прошу вас вступить в переговоры с лицами, которые передадут вам мое послание, заплатить сто тысяч долларов и ни в коем случае не обращаться в милицию. Иначе меня убьют».

Как ни была Александра ошарашена и напугана всем случившимся, она, прочитав эти строки, только и могла, что беспомощно уставиться на черные шерстяные лица похитителей. Мелькнула мысль, что она участвует в каком-то грандиозном розыгрыше, фарсе, что сейчас эти трое сорвут свои идиотские личины, со смехом и шуточками извинятся перед Александрой, снимут с нее наручники и выведут на белый свет.

Конечно, это не может быть ничем иным, только фарсом! Разве трезвомыслящий человек в здравом рассудке способен потребовать сто тысяч долларов за участковую врачиху с зарплатой в семьсот рубликов?! И у кого, главное? У ее неудержимо спивающегося отца, которого со дня на день выгонят с работы? У ее мачехи, нищей учительницы, замотанной, захлопотанной, больше занятой огородом, чем подготовкой к урокам? Или у сводной сестры, в недалеком прошлом, правда, довольно известной гимнастки, принявшей даже участие в престижном международном соревновании, однако не нажившей ни богатства, ни славы, а только неискоренимый страх перед жестоким спортом? Теперь сестра подалась в модели – манекенщицы, говоря по-старинному, – но капиталов не прибавилось, ибо ни Карден, ни Армани, ни даже Юдашкин пока еще не заинтересовались молоденькой нижегородской вертихвосткой, а на местном подиуме не больно-то разживешься... Даже если все эти «близкие и родные» Александры продадут дом в Сергаче и нижегородскую квартиру, снимут с себя все до последней ниточки и вместе с мебелью снесут в комиссионку (кстати, их теперь вроде бы и не осталось в природе, комиссионки-то, вымерли как класс!), – они едва ли наскребут больше пятнадцати тысяч долларов, и это еще в самом лучшем случае.

Александра уже открыла рот, чтобы выпалить все это и предложить реальные условия выкупа, как вдруг слова застыли у нее на языке. Пятнадцать тысяч, предположим, за нее заплатят, а потом что? Останутся все они голые, босые и бездомные, без копейки денег? Станут ютиться по родственникам, превратятся в приживалов? Да лучше умереть!

Она с ненавистью вглядывалась в темные, замаскированные лица. Что за дебильные похитители ей достались? Нашли кого хватать посреди улицы, тащить в узилище. Хоть бы навели сначала справки о благосостоянии семьи! Ну, понятно, похитить там дочь губернатора, мэра, банкира какого-нибудь, в этом есть хоть какой-то смысл. А в ее похищении?!

Нет, не станет она торговаться с этими отморозками!

– Я не буду это читать, – сказала Александра как могла спокойно, хотя зубы ее так и норовили отбить чечетку. – У моих родственников нет таких денег и никогда не будет. Вдобавок у отца давно другая семья, я даже не могу назвать этих людей родными и близкими, как вы требуете. Мачеха будет за меня платить, что ли? Или неродная сестра? А главное, откуда взять столько деньжищ?

– Кончай финтить, – сказал «кавказец». – И врать кончай. Подумаешь, бедная сиротка! Думаешь, мы не навели о тебе какие надо справки? Нам известно о вашей семейке столько, что ты даже представить себе не можешь! У твоего отца есть денежки, есть! И он этого не скрывает, так что зря ты нас считаешь какими-то лохами и пытаешься взять на слезу. Читай, что велено, а то худо будет, это я тебе гарантирую.

– Послушайте, – сказала Александра. – Не знаю, кто вам наговорил такой чепухи, какие и где вы наводили справки, но вам точно задурили головы. Семья наша в самом деле очень бедна. Какая радость получить жалкие гроши и пустить людей по миру? Не лучше ли признать, что вы ошиблись, и оставить нас в покое? Пожалуйста, отпустите меня, пожалуйста! Я не видела ваших лиц, так что беспокоиться вам совершенно не о чем, вы можете отвезти меня вообще куда-нибудь подальше от города, чтобы я не могла сориентироваться и понять, где находилась...

Каждое слово, которое она произносила, казалось пустым и никчемным. Чудилось, Александра даже слышит, как эти слова ударяются в синие «спортивные» фигуры и отскакивают от них, будто горох от стенки в известной поговорке. С другой стороны, ей впервые приходилось держать речь перед собственными похитителями. И практики никакой, и времени на подготовку не было. Поэтому ее не очень удивил презрительный смешок, который издал «кавказец». Он обменялся негромкими, быстрыми словами со своими сотоварищами, а потом кивнул Александре.

– Армянскому радио задали вопрос: что делать, если не помогает паяльник? – довольно спокойно сказал он со своим карикатурным акцентом. – Армянское радио отвечает: возьмите еще один паяльник.

«Кавказец» снова хохотнул и начал медленно засучивать рукава.

Александра заворуженно смотрела, как он это делает.

Под курткой от спортивного костюма у него была обычная красно-синяя клетчатая рубаша, и, когда «кавказец» расстегивал манжеты, одна пуговка оторвалась и упала на пол. Шепотом матюгнувшись, он поднял пуговку и спрятал в карманчик куртки. Подкатал до локтя оба рукава и какое-то мгновение постоял, задумчиво глядя на Александру. Под этим взглядом она влипла в

холодную, влажную стену, подавляя испуганный писк, который забился в горле.

Похититель кивнул, довольный ее откровенным страхом, и оглянулся на своих спутников. Словно по сигналу, тот, что принес лампу, поднял ее как можно выше, а другой включил видеокамеру.

Александра смотрела на красненький глазок, щурясь и мигая от яркого света.

– Говорить будешь? – прозвучал голос «кавказца».

Александра слабо мотнула головой, вряд ли соображая, что делает, потому что мысли были заняты совершенно иным. «Что он со мной сделает? – мелькало в голове. – Начнет душить? Ручищи огромные, волосатые, и какой кошмарный шрам повыше запястья! Или будет отстреливать пальцы, как в тех жутких кадрах про похищенных чеченцами людей? Но где пистолет?»

Словно это сейчас было самым важным в жизни, она пристально всматривалась в руки и фигуры похитителей, пытаясь определить, где у них может быть спрятано оружие. А впрочем, это и правда было самым важным в жизни: понять, убьют тебя сейчас или немного погодя.

Вроде бы никакого оружия ни у кого не видно... Но когда она снова посмотрела на «кавказца», то обнаружила, что он так же неторопливо, как засучивал рукава, спускает штаны.

Александра коротко вскрикнула – и онемела, словно подавилась. «Кавказец» что-то такое мусолил в руках... кошмарное! Оно росло и менялось при его осторожных, ласкающих прикосновениях, и Александра с ужасом смотрела на эти превращения. Она и хотела бы зажмуриться, но не могла.

– Говори, а то целку порвем, – сказал человек с видеокамерой, который старательно запечатлевал на пленку вызывающе торчащий над синими спортивными штанами орган. – Лучше говори, он ведь у нас обыкновенный маньяк, не успокоится, пока кровью не зальешься.

«Кавказец» хмыкнул, шагнул к Александре:

– Снимай штаны и ложись. Чего сидишь, как девочка?

– Посвети мне сбоку, – буднично попросил напарника человек с камерой, заходя так, чтобы было лучше видно Александру, подтянувшую коленки к подбородку.

Лампа переместилась, и в это мгновение сильная рука «кавказца» вцепилась Александре в волосы и прижала ее лицо к его горячему, дурно пахнущему животу. Вырвавшись из оцепенения, Александра забилась, задергалась, отталкивая его, и, к своему несказанному изумлению, была тотчас отпущена.

– Я скажу! Я скажу! – хрипло выкрикнула она, заслоняясь руками, чтобы не видеть это, торчащее.

– Врет она, – буркнул обиженно «кавказец». – Лучше я ее трахну, а на пленку сами наговорим, чего надо.

– погоди, абрек, – скомандовал человек с камерой, – успеешь еще натрахаться. А ты говори, ну? Чего опять заткнулась? Думаешь, с тобой шутки шутят? Нет, тут все очень серьезно, и ты с нами тоже лучше не шути. А то он начнет, а мы добавим, так что мало не покажется, поняла?

Он не угрожал – он говорил спокойно, даже с ленцой, как говорят о неприятной работе, которая тем не менее все-таки должна быть исполнена. И усталое спокойствие его голоса напугало ее даже сильнее, чем вид насильника.

Александра слабо пошевелила пальцами, пытаясь расправить скомканную бумажку. Поднесла ее к глазам и, спотыкаясь на каждом слове, прочла, не слыша своего голоса и не понимая, что говорит:

– Дорогие мои близкие и родные! Я похищена с целью получения выкупа. Прошу вас вступить в переговоры с лицами, которые передадут вам мое послание, заплатить сто тысяч долларов и ни в коем случае не обращаться в милицию. Иначе меня убьют.

Жужжание камеры стихло.

– Отдай текст, – скомандовал «оператор».

Щурясь от яркого света, Александра протянула ему бумажку. В то же мгновение стало очень темно – человек с переноской вышел в соседнее помещение, унося лампу с собой.

– Что, и это все? – недовольно спросил «кавказец». – Зря, честное слово. Давайте я с ней поиграю, это для родственников будет убедительнее всяких слов.

– Надень штаны, абрек, – проворчал «оператор». – После твоих игр ее только и останется что на помойку выбросить, как продавленный матрас.

Вернулся третий похититель. Что-то молча поставил рядом с Александрой, молча ушел. Вслед за ним вышли двое других, причем «кавказец» не переставал недовольно бурчать.

Дверь захлопнулась, и Александра оказалась в душной полутьме. Какое-то время она тупо разглядывала стоящее рядом помятое, обшарпанное эмалированное ведро, пластиковую бутылку с водой и полбулки хлеба в полиэтиленовом пакете.

«Хлеб «Дарницкий», – на глазок определила Александра, словно это имело какое-то значение. Потом встала на четвереньки, вытащила из-под себя куртку, кое-как надела, сунув в рукав только правую руку, – и легла на пол, свернувшись клубком, подтянув колени к самому подбородку и как можно ближе прижавшись к трубе отопления.

Труба была горячая, и в подвале стояла духота, но Александру била неутихающая дрожь. Казалось, никогда в жизни она не мерзла так, как замерзла сейчас.

* * *

– Мужики, во, смотрите, классная хохма: «Из протокола с места происшествия: на теле обнаружены трупные пятна размером с 10-, 50-копеечные монеты общей площадью на три рубля двадцать копеек!» – Молодой помощник дежурного так и закатился.

– Это что, в газетах пишут? – возмутился дежурный. – Они нас за полных придурков держат. Брось ты эту желтую прессу, давай лучше кроссворд дальше разгадывать. Что там у нас по вертикали?

В дежурке РУВД Нижегородского района четверка мужчин ожесточенно сражалась с кроссвордом. Разгадывать его начал сам дежурный, потом присоединился помдеж, а вскоре забрели на огонек два боевых товарища из ГИБДД. Помещение было наполнено синеватым слоистым дымом.

– Номер одиннадцать по вертикали: ночной наряд, первая буква П.

– Патруль! – мгновенно среагировал помдеж.

Дежурный попытался пристроить «патруль» в клеточки кросворда, но тотчас разочарованно покачал головой:

– Не подходит. Надо слово из шести букв.

– А в патруле сколько? – удивился помдеж.

Дежурный сосредоточился и через некоторое время сказал:

– А в патруле – семь.

– Тогда экипаж! – выдал помдеж, который отличался умом и сообразительностью.

– Шесть букв! – обрадовался дежурный и покрепче стиснул карандаш, но через мгновение поднял от газетки голову и разочарованно протянул: – Не подходит экипаж. Первая буква П.

– А почему первая буква П? – начал задираться помдеж, который славился своим занудством, оттого и не рос по службе.

– Потому что одиннадцать по горизонтали было: выдающийся голос современности. А это Пугачева.

– А может, не Пугачева? – робко спросил один из гостей.

– Как это? – удивился дежурный. – А у кого еще голос?

Остальные пожали плечами. Они не знали, у кого еще голос, потому что по телевизору и в газетах настоящей певицей называли только Пугачеву, а работники органов свято верили всякой официальной информации.

– На П, – сосредоточился помдеж, – на П, на П...

– Пикет! – сообразил автоинспектор.

– Ты считать умеешь? – вздохнул дежурный. – Шесть букв, говорено же. А в пикете – пять.

– Тогда пост! – вмешался второй гость, однако за мелочевку из четырех букв даже ответа не был удостоен.

Тем временем помдеж сунул свой любопытный нос в газету и возмущенно завопил:

– Да ты что пишешь, что пишешь-то?! Пугачева, главное! Выдающийся голос – он из девяти букв, а Пугачева – только из восьми! Вон у тебя последняя клеточка пустая! Выкинь свою Пугачеву, пиши: ночной наряд – экипаж!

– А какой тогда выдающийся голос современности на Э? – сердито покосился на него уличенный в мошенничестве дежурный.

– Эдита Пьеха! – радостно закричал автоинспектор, и дежурный безнадежно воздел глаза к небесам.

В это мгновение раздался звонок у входа. Посмотрев на экран, дежурный увидел на улице перед дверью парня в куртке, накинутой на белый халат, а на обочине тротуара – «Скорую помощь».

– Кто-то врача вызвал? – удивился неопытный в таких делах автоинспектор.

– Жмурика привезли, – авторитетно объяснил помдеж. – Надо направление в трупарню.

– А-а, ну понятно.

Дверь тем временем открылась, и в дежурное помещение вошел высокий широкоплечий парень с рыжеватыми волосами, на которых таял снежок. Лицо у него было молодое, но смертельно усталое, такое впечатление, что несколько ночей не спал. Кивнул всем:

– Привет блюстителям. Дайте направление на судмедэкспертизу.

– Здорово, Рутковский! – узнал врача помдеж. – Ты ж только позавчера направление брал. Что-то зачастил к нам, подозрительно даже.

– Ну да, – кивнул доктор, – зачастил. Вы, ребята, маньяка не ищете? А то ведь это я самый. Мания у меня такая – трупы на дороге подбирать.

– На дороге? – встрепнулся автоинспектор – поклонник Эдиты Пьехи. – Что, ДТП? А где?

– Успокойся, товарищ, – махнул рукой доктор. – Никакого ДТП. Ехали-ехали, смотрим – девчонка на дороге лежит. Вся из себя такая, в спортивном костюмчике. Крови ни капли, ни ушибов, ни ударов, похоже на внезапную остановку сердца или криз, но вскрытие покажет.

– Мертвая? – ужаснулся второй инспектор.

– Увы, – довольно хладнокровно пожал плечами Рутковский. – Документов нет.

– Так и запишем: неопознанный летающий объект, – кивнул дежурный, вынимая из папки нужный бланк. – Слушай, а на улице холодно?

– Люто! – вздрогнул Рутковский. – Я всего ничего и ждал, пока вы откроете, а продрог до костей!

Оба инспектора в эту минуту вспомнили о своем пренебрежении к служебным обязанностям и тоже принялись демонстративно стучать зубами и дрожать плечами – ну в точности танцовщицы из цыганского ансамбля.

– Тогда я не пойду на нее смотреть, – сказал дежурный. – А то опять на бюллетень сяду.

Помдеж, у которого тоже не было ни малейшей охоты идти на холод, знакомиться с неопознанным трупом, разразился кашлем, который устроил бы даже больного в последнем градусе чахотки.

Рутковский, зевая, опустил на свободный стул и крепко потер веки.

– Заморился? – сочувственно спросил помдеж, заметив, какие глубокие тени залегли под глазами врача.

– Ой, не говори... – Тот протяжно зевнул. – Не только ваша служба и опасна, и трудна. А я еще нахватал себе приработков, ну, и верчусь теперь как белка в колесе.

– На машину копишь? – оживился помдеж, который и сам норовил перехватить где что можно и нельзя.

– Да ну! – отмахнулся Рутковский. – На свадьбу!

– Жениться собрался? – еще больше заинтересовался помдеж, который и сам лишь полгода назад простился с холостяцкой волей. – Красивая невеста?

– Ого! – значительно сказал Рутковский. – Что надо. Фигура, ножки! И под гитару поет не хуже Пугачевой.

– А! – встрепенулся дежурный, словно зомби, услышавший кодовое слово. – Ну-ка, может, ты знаешь: выдающийся голос современности из девяти букв. Я им говорю – Пугачева, а они не верят.

– Но ведь Пугачева – из восьми, – поправил наивный доктор. – А из девяти – выдающийся голос из девяти, наверное, Паваротти?

Остальные переглянулись. Вроде бы такое имя тоже когда-то называли по телевизору...

– Паваротти, – задумчиво повторил дежурный, расписываясь на бланке. – Но тогда ночной наряд из шести букв – опять же на П!

– Конечно, на П, – кивнул Рутковский, потягиваясь и забирая подписанное направление. – Ночной наряд – пижама.

И, оставив боевых товарищей в состоянии полного ступора, вышел из дежурки, пряча в карман халата направление на судмедэкспертизу.

* * *

Время остановилось. Где-то далеко, за стенами этого подвала, оно продолжало бежать, идти, лететь, течь – ну, словом, делать все, что обычно делает время. Однако здесь, во влажной духоте, оно недвижимо, сонно лежало рядом с Александрой, словно кошка, на краешке ее куртки, которую она снова подстелила под себя. Александра решила считать дни своего заточения, отмеряя их по часам сна, однако ее все время клонило в сон, и, по сути, она постоянно пребывала в тупой полудреме, лишь изредка поворачиваясь с одного замлевающего бока на другой да лениво делая глоток-другой из бутылки с водой.

Есть не хотелось совершенно. Слабость ею владела страшная, туманом заволокло мысли, и даже предположение, что в воду подмешан какой-то наркотик, снотворное, от которого ей так худо, не заставило Александру насторожиться.

Когда-то раньше, давно (иногда казалось, много дней, месяцев, а то и лет назад), читая книги о похищенных или заточенных где-то людях, она поражалась их беспомощности и трусости. Вместо того чтобы каждую минуту неволи посвятить рытью подземных ходов (как граф Монте-Кристо или пани Иоанна из романа «Что сказал покойник») и поискам способов бегства, эти слабовольные персонажи с трепетом ловили каждый шаг и каждое слово похитителей, с готовностью выполняли все их требования, способствуя разорению своих семей, опасались узнать лишнее, увидеть лица разбойников, чтобы те не начали опасаться своих жертв и не убили их после получения

выкупа. Но главное – насколько апатичны, бездеятельны, тупы и не изобретательны были все эти похищенные! Только в детективах Дика Фрэнсиса мелькнули два или три героя, которые не ждали милостей от природы, а сами пытались облегчить свою участь. Теперь эти героические персонажи казались Александре настолько же близкими к реальности, как чудовища из «Звездных войн».

Она даже не предполагала, что может испытывать такой обессиляющий страх...

Зрелище голого мужского тела не шло из головы. Теоретически представляя себе, как все это происходит, Александра однажды почти решилась воплотить свои знания на практике. С Костей, разумеется, – другого кандидата у нее никогда не было. Она-то решилась, да не хватило решимости у него. В самый ответственный момент несостоявшийся любовник схватился за «молнию» джинсов, к которой уже подобралась Александрины расхрабрившиеся руки, – и был таков, пробормотав на прощание что-то о маме, у которой с утра так болело сердце, что ее никак нельзя оставить одну до позднего вечера. После этого, собственно говоря, Александра и решила сложить оружие и без боя отдать Костю в полное распоряжение этой «лучшей в мире, святой женщине» – его мамочке.

Теперь же Александра думала, что так или иначе все кончилось бы разрывом. Даже если Костя и позволил бы «молнии» расстегнуться и выпустить на волю его мужское достоинство, Александра, как она осознала после общения с похитителями, не смогла бы преодолеть последнего отвращения и не дала бы прикоснуться к себе. Ничто, никакая, пусть самая смелая теория не могла даже отдаленно сравниться с отвратительной, низменной практикой! Конечно, робкого, ласкового лизуна Костю смешно сравнивать с жестоким «кавказцем», однако речь ведь идет о конечном результате: проникновении в девичье тело чужеродного, беспощадного предмета, который причинит боль, нарушит некую изначальную, божественную целостность этого сосуда. Если еще ради ребенка можно кое-что перетерпеть, стиснув зубы и молясь в душе, то ради удовлетворения суетного любопытства, а тем более против своей воли, по прихоти распаленных мужиков, – нет, никогда. Ни за что!

Подступали минуты такого отчаяния, когда выбор: умереть сейчас, сию минуту, мгновенно и безболезненно, или мучиться неизвестностью, страхом, может быть, перенести насилие и пытки, но все же выйти потом на свободу, был бы

однозначно решен в пользу милосердной смерти. К тому же Александра не могла не отдавать себе отчета: изнасилованная, изуродованная, она становится опасной для своих похитителей. И жизненные, и опять-таки литературные примеры гласили: жажда мести способна подвигнуть на решительные и непредсказуемые действия даже самое забитое, самое сломленное существо. Да и в случае ареста срок этой троице за простое похищение и похищение, осложненное патологической жестокостью, грозил бы совершенно разный. Поэтому всякий акт насилия автоматически означал для Александры смертный приговор. Значит, она должна была вести себя так, чтобы у похитителей не возникло желания прибегать к насилию. Проще говоря, она должна быть тише воды, ниже травы и слушаться их во всем.

Послушание, впрочем, требовалось пока только в одном: наговаривать на пленку тексты к «дорогим, родным и близким». Когда через неопределенное время (часы Александра забыла завести, и они остановились, поэтому она даже приблизительно не представляла себе, сколько находится в заточении) троица похитителей снова появилась в подвале и предъявила новую бумажку с текстом, Александра отбарабанила его, даже не вдумываясь в смысл слов, удостоилась за это одобрительного хмыканья, опорожнения ведра – своего импровизированного туалета – и подношения новой бутылки воды.

«Кавказец» – он же «человек со шрамом» – правда, буркнул зло:

– Ты, это, воду шибко не хлещи! Кто меньше пьет, тот меньше льет.

Однако дальше этой реплики дело не пошло, и похитители удалились, вполне довольные.

Александра отодвинула ведро как можно дальше (ополоснуть его, понятное дело, никому и в голову не пришло, а попросить об этом она побоялась), попила, уткнулась лицом в рукав куртки и снова предалась смутной дремоте, которая становилась привычным ее состоянием. Мысли плавали в голове, будто снулые рыбы, а между ними мелькали черненькие такие стрелки, состоящие из букв. Какое-то время Александра апатично наблюдала за этой картиной словно бы со стороны, а потом до нее вдруг дошло, что проворные «стрелки» – это строчки и слова прочитанного ею текста. В целом он размазался в памяти, однако кое-что вспоминалось удивительно связно и отчетливо. Например, такие слова: «Дорогой папочка, у тебя же много денег! Ну неужели тебе будет жаль каких-то несчастных ста тысяч для единственной дочери?!»

«Почему для единственной? – лениво думала Александра. – А как насчет сестры? И, главное, что за бред: «У тебя же много денег». Какие, к черту, у папаши деньги?! Да он упадет в обморок, если не то что сто тысяч долларов – сто рублей издалека увидит. Зарплату что ему, что Ангелине Владимировне третий месяц не дают!»

И снова промелькнула, вернее, вяло поплыла мысль о том, что ей достались какие-то редкостно тупые похитители. Идти на такой колоссальный риск наобум, совершенно ничего не узнав о своей жертве, – это просто не укладывается в голове!

Александра уложила эту самую голову поудобнее, взбив под ней куртку повыше, и подумала: а что, если она недооценивает своих похитителей? Что, если они знают о ее непутевом папаше нечто такое, чего не знает больше никто? Вдруг некоторое время назад он случайно завладел огромной суммой? Копал картошку, к примеру, а вырыл на огороде клад знаменитого нижегородского разбойника Галани. Или вовсе Стеньки Разина! Ну, клад не клад, но около месяца назад лихие люди ограбили машину сбербанка, и не был ли Александрин отец их отважным предводителем? А что? Проспался после литра выпитой, умылся студеной колодезной водой, пошел вот этак лихо – и грабанул инкассаторов, положив на месте ограбления два хладных трупа... Помнится, в газетах писали как раз об этой сумме – сто тысяч долларов. Этому событию были посвящены первые колонки газет, а нижегородские банкиры по телевидению подняли дикий крик по поводу бездействия милиции: мол, коли грабителей государственного сбербанка не ищут, то частным банкам вообще надеяться в случае чего не на что. Особенно пылко выступал по этому поводу Золотов – тот самый, вызов к дочери которого, Алине, окончился для Александры столь плачевно.

Алина... Вызов к Алине...

Александра вдруг резко села, напряженно вглядываясь в полутьму, словно надеялась разглядеть там обрывки промелькнувшей и тут же исчезнувшей догадки. Нет, ничего не видно!

Она зажмурилась, закусила губу – и уцепилась-таки за конец тоненькой ниточки, тянущейся к спасительному клубку, благодаря которому она, кажется, найдет выход из этого лабиринта страха.

Алина. Наверное, друзья и знакомые называют ее Аля... Алька! Конечно, друзья и знакомые называют ее Алька!

«Алька!» – услышала крик Александра, вспомнила о Косте и, как глупая курица, ринулась в ловушку, которая была расставлена для другого человека. Трудно представить, что похитители могли не знать потенциальную жертву в лицо, – но, предположим, не знали. Предположим также, что они оказались не способны даже вблизи отличить норковую с головы до ног дочку банкира от участковой докторицы в потертой кожаной куртке, пусть и утепленной, но все равно легкой не по сезону. Предположим, это были неправильные похитители!

Мало надежды. Таких дураков Александра не встречала даже в самых плохих детективах. И все же, все же, все же...

Апатии и сонливости как не бывало! Не раздумывая, даже не очень-то представляя себе, что будет делать, она вскочила и ринулась к двери. Цепь натянулась, больно рванув за руку, и Александра заметалась вокруг своей ненаглядной трубы, истошно крича:

– Послушайте! Идите сюда! Кто-нибудь! Скорее! Это очень важно!

Заскрежетал засов, и дверь отворилась. На пороге выросла невысокая узкоплечая фигура.

Александра присмотрелась – и облегченно перевела дух. Она уже начала различать похитителей и поняла, что к ней пришел человек, который при съемках держал переноску. Про себя она прозвала его «электриком». Слава богу, что не «кавказец», или, как его здесь называли, абрек, – с тем-то совершенно бесполезно разговаривать, от него так и разит немытым тупым мужиком! «Оператор» больше напоминал разумного человека, однако из всех троих наиболее рассудительным Александре казался именно «электрик». Наверное, потому, что все время молчал.

Теперь она услышала наконец его голос: такой же тусклый и невыразительный, как и внешность:

– Чего орешь как резаная?

– Послушайте! – Александра метнулась к нему, но цепь опять натянулась, так что девушка чуть не упала от неожиданного рывка. – Послушайте, до меня только сейчас дошло!.. Вы считаете, я кто? Вы считаете, я – Алина Золотова, да?

Человек задумчиво склонил голову набок, но ничего не ответил.

– Вы уверены, что похитили дочь банкира Золотова, у которого денег и в самом деле куры не клюют, – захлебываясь, выкрикивала Александра. – Но вы страшно ошиблись! Вы перепутали! Меня зовут Александра Синцова, мой отец живет в Сергаче, он врач, как и я, только окулист. Бывший... А я – участковый доктор в поликлинике Советского района, Высоково – это просто мой участок, вы понимаете? И отцу, и мне самой уже два месяца зарплату не выдавали, для нас сейчас даже тысяча рублей – проблема, а вы говорите...

Она умолкла – горло перехватило от неподвижности его позы, от пристального взгляда. Чудилось, ему совершенно все равно, что она там лепечет, может быть, он даже не слышит ни слова.

Слезы закипели на глазах, но Александра заставила себя сдержаться.

– Да вы можете проверить, – с трудом выговорила она. – Это очень просто! Наша поликлиника на Ашхабадской, спросите – и вам скажут, что врач Синцова не выходит на работу. Позвоните мне домой, в конце концов, телефон 30-39-17, там моя сестра... Проверьте! Ради бога, поймите, что произошла ошибка! Вам нужна не я, с меня вы ничего не получите!

Она осеклась: «электрик» пожал плечами, круто развернулся и вышел, не сказав ни слова. Ответом Александре было только лязганье засова.

Какое-то время она стояла неподвижно, одной рукой тиская на груди свитер, потом, сгорбившись, вернулась в свой угол... и, упав на колени, зарыдала так, что на какое-то мгновение показалось, будто сердце вырывается с этими

мучительными рыданиями.

Одна мысль теперь билась в голове: а не подписала ли она сама себе смертный приговор, открыв похитителям, что совершенно бесполезна для них и надо начинать опасную игру с самого начала?

Она не помнила, как забылась в слезах, не знала, сколько спала. Проснулась внезапно – показалось, что-то больно ударило по глазам. Веки, чудилось, были залиты раскаленным металлом, их было даже страшно поднять. Через несколько мгновений ужаса Александра сообразила, что это не металл, а яркий свет. Отвернулась, кое-как разлепила веки, проморгалась.

Все правильно: знакомая переноска, знакомые фигуры. Опять пришли с очередным дурацким обращением к «дорогим»? Значит, «электрик» никому ничего не сказал...

Александра лежала на боку, чувствуя, как слезы медленно вытекают из глаз и жгут щеку. Бесполезно. Все бесполезно! Она умрет здесь, и никто никогда не узнает... А может быть, они пришли именно затем, чтобы убить ее?!

Села рывком, прижала к груди руки... именно руки, а не одну руку! Ее оковы были сняты, и Александра заметалась глазами по неразличимым в полутьме лицам, ловя каждое движение своих мучителей, не зная, бояться или надеяться.

– Вставай, – мрачно сказал «человек со шрамом». – Пошли.

– Ку-да? – испуганно выдохнула Александра, послушно вскакивая и нервно тиская куртку.

– Тебе есть разница, да? – хмыкнул «человек со шрамом». – Ну, топай!

Александра несколько раз попыталась сунуться в рукава, но бесполезно – слишком руки тряслись. Тогда она просто накинула куртку на плечи и с готовностью шагнула вперед.

– Погоди-ка, – пробурчал «оператор», с треском разматывая пластырь. – Ишь, понеслась сломя голову!

Лицо у Александры было мокрое от слез, пластырь прилипал плохо. Но вот наконец болезненная процедура была закончена, и «оператор», обмотав еще и запястья и придерживая под локоть, повлек ее из комнаты.

– А на посошок? – раздался негромкий голос «электрика».

Кто-то вцепился Александре в волосы, больно рванул так, что голова ее запрокинулась, и в то же время к губам приткнулся край стакана или кружки, издающий резкий водочный запах.

Она стиснула рот, с отвращением мотнула головой, однако за волосы снова рванули – раздраженно, яростно.

– Пей! – рявкнул «человек со шрамом». – А то...

Александра разомкнула губы, глотнула, но тотчас спазм стиснул горло и остальная водка пролилась на грудь.

– Ну, чем добру пропадать... – усмехнулся «человек со шрамом», и Александра почувствовала, что ей на свитер щедро льют пахнущую спиртом жидкость.

«Они что, экономят воду и умываются спиртом?» – мелькнула мысль, и от этой нелепости ее вдруг затрясло в приступе нервного хихиканья.

– Ну, вот мы и повеселели, – усмехнулся «оператор». – Ладненько, тогда пошли дальше.

Через несколько шагов начались ступеньки. Выводят из подвала, что ли? Голова слабо кружилась, и Александра была занята только тем, чтобы удержаться на ногах, и тем не менее внезапно споткнулась, когда ее потрясла мысль: а если ее пристрелят на улице, забросают прелой листвой, потом снежком присыплет, ну а весной... Однако ее уже погладило по лицу сырым ветром, она уже успела глотнуть чистого воздуха, с ужасом оценив, в какой духоте и смраде находилась все это время, и ноги сами понесли, понесли ее наверх, пока что-то не

захрустело вокруг, не разразилось невыносимой свежестью и прохладой.

– Снег! – шепнула Александра.

– Да уж, понасыпало, – проворчал рядом «оператор», потом заставил Александру сделать еще несколько шагов и помог сесть в машину.

Она с ненавистью вдыхала острый бензиновый запах. Сразу затошнило, и все время, пока длился путь, Александра с трудом подавляла спазмы в желудке. Это заглушило страх перед неизвестностью.

У нее создалось впечатление, что на заднем сиденье она сидит одна. Поводила туда-сюда связанными руками и в самом деле ни на кого не наткнулась.

– Тихо сиди! – рявкнул «оператор», очевидно бывший за водителя, и Александра забилась в уголок, склонила голову, начала шарить языком и зубами по запястьям, пытаясь подцепить уголок пластыря и освободиться от него. Нескоро, но все-таки ей это удалось сделать, однако водитель, видно, почуял неладное, потому что вдруг прикрикнул:

– Передвинься на середину, руки вытяни вперед! И сиди тихо, если не хочешь, чтоб я тебя пристрелил! Дура, вот же дура!

Александра послушалась. Сидела, напрягшись, чутко вслушиваясь в малейший шум. За окнами слышалось движение транспорта, звенел трамвай.

«Куда меня везут? Зачем? Неужели отпустят?»

Она боялась верить, она даже дышать боялась!

Вдруг автомобиль притормозил, а потом и остановился.

– Дай-ка руки, да не дергайся, а то порежу! – слышался голос, а вслед за тем что-то острое чиркнуло по пластырю на запястьях.

– Так, – удовлетворенно пробормотал «оператор». – Теперь подвинься направо и протяни руку.

Александра повиновалась, зашарила дрожащими пальцами по тисненой коже с какими-то металлическими выступами. Да ведь это дверца автомобиля! А выступы – ручки!

Мгновенно потеряв голову, она с силой нажала на первую попавшуюся, рванулась навстречу ветру, свежему воздуху и то же мгновение вылетела вон из машины, повинувшись мощному толчку в спину. Упала на землю, вернее, в снег лицом, услышала, как сзади взревел мотор, а потом шум его затих.

Вскочив на четвереньки, Александра слепо поползла куда-то, упала, приподнялась, нашаривая склейку пластыря на затылке, и принялась срывать его с головы, вырывая волосы, но боли она почему-то не чувствовала. И вот наконец-то пластырь слетел с лица, она увидела огромный, невероятно белый, весь усыпанный снегом двор, отчетливый след автомобильного протектора, но сама машина уже скрылась.

Александра растерянно огляделась.

Двор был пуст. Около мусорных баков возилась кошка. Подняла угольно-черную голову, уставилась на Александру раздраженными зелеными глазами.

Господи, как далеко, как отчетливо, как живо все было видно!

Слезы наплывали, мешали смотреть. Александра смахнула их – и вдруг поняла, где находится.

Это был тот самый двор дома Золотовых, откуда ее похитили несколько дней назад.

* * *

– Мужики, всем общий привет! – с этими словами в двери помещения судмедэкспертизы, чаще именуемого моргом, ввалились двое с носилками, на которых лежало нечто, прикрытое простыней. – Принимайте гостей.

Коридорчик был пуст, гостей встречала только надпись над окошечком регистратуры: «Обмывание и одевание трупов производится бесплатно».

При звуке открывающейся двери окошечко распахнулось, появилась заспанная небритая физиономия. Ее владелец зевнул и буркнул:

– А попозже не могли приехать? Я только заснул!

– Кто сегодня дежурит? – спросил, опуская носилки на пол, молодой человек в куртке, наброшенной поверх халата. – Эльдар, что ли?

Шедший сзади фельдшер тоже освободился от груза и зябко поежился: во всех помещениях морга зимой и летом царил одинаковый арктический холод. А запах тут, конечно, стоял – не приведи господь...

– Он самый, – кивнул регистратор, зевая и подтягивая к себе журнал. – Эльдар Иннокентьевич! На выход! Товар привезли!

Дверь прозекторской приотворилась, и на пороге показался очень высокий черноволосый человек с худым, костистым лицом и мрачными глазами. Поверх халата на нем был прозрачный пластиковый передник, на руках – перчатки до локтя.

Держа руки поднятыми, словно собираясь сдаваться в плен, он неприветливо поглядел на доктора:

– А, это ты, Рутковский! Что-то зачастил к нам.

– Привет, Эльдар! – кивнул парень в куртке. – Как братишка?

Суровое лицо врача еще больше потемнело:

– Вашими молитвами. Ну, кого на этот раз везешь?

– Как давеча определили в РУВД, неопознанный летающий объект. Девочка без документов, похоже, спортсменочка. Вот направление. – Он сунул в окошечко листок, недавно полученный в милиции. – Счастливо оставаться. Нам пора, там

«Курьер» давно пищит. Сегодня вечер какой-то сумасшедший, все вздумали заболеть.

– Взбодриться хочешь? – буркнул патологоанатом, по-прежнему держа руки вверх. – Игорешка, налей гостям по пятьдесят капель.

– Не, мужики, мы на работе не пьем, правда, Сычов? – решительно покачал головой Рутковский.

Фельдшер с тоской покосился на него, однако тоже покачал головой и неубедительно проблеял:

– А тэ ж... Ни граммуленьки не моги, знай тильки вкалывай, як скаженный!

У него был отчетливый хохляцкий выговор, враз певучий и грубый.

Регистратор невольно прыснул, да и по неприветливому лицу Эльдара скользнуло подобие улыбки.

– Ладно вам, шовинисты, – укоризненно качнул головой Рутковский. – Освобождайте побыстрее носилки.

Эльдар просунул голову в дверь прозекторской, что-то негромко сказал, и оттуда вышел приземистый большерукий мужик с одутловатым лицом и красноватыми глазами упыря-профессионала. Впрочем, совершенно такие же глаза бывают и у запойных пьяниц. Одет он был в грязный халат, такой же передник, как у врача, и рыжие резиновые перчатки.

– Берись сзади, Сычов, – сказал он неожиданно тонким, бабьим голосом, становясь в головах носилок. – Куда нести, Эльдар Иннокентьевич? Сюда или вниз, в холодильник?

– Давай ко мне, гляну на досуге, а там решим, – скомандовал патологоанатом. – Может, ее искать будут?

– Все может быть, – согласился Рутковский, подходя к окошечку и расписываясь в амбарной книге, которую регистратор углом просунул наружу. – Всякие чудеса

бывают на свете...

В это самое мгновение краешек простыни соскользнул с бледного лица покойницы, которую несли красноглазый санитар и Сычов. Увидев это, регистратор высунулся из окошечка чуть ли не до пояса.

– Погодите! – вскричал он, изумленно вытаращив глаза. – Погодите, дайте поглядеть! Да я ж ее знаю!

Вслед за тем он втянулся обратно в окошечко, чтобы через мгновение выскочить из двери и кинуться к носилкам, восклицая:

– Охренеть можно! Да ведь это Карина! Я ж ее видел у моей девочки! Да как же так?! Точно, Карина! Она тоже модель!

Санитар морга и Сычов маршировали на месте, тоскливо поглядывая на врачей, словно спрашивали, что делать дальше.

Эльдар и Рутковский переглянулись поверх их голов. Вид у Рутковского был замотанный до крайности, да и темные глаза Эльдара смотрели устало.

– Модель? Это что за штука такая? Манекенщица, что ли? – обменивались репликами санитар и фельдшер.

– Родня у этой твоей модели есть какая-нибудь, слышь, Игорь? – обратился Эльдар к потрясенному регистратору.

– Да черт ее знает, – ошеломленно пробормотал тот, уставившись на носилки. – Но я сейчас позвоню моей знакомой, она, наверное, знает.

И он снова вбежал в свою каморку, откуда через мгновение послышался треск телефонного диска и потрясенный крик:

– Ань, привет, это я, Игорь! А, узнала... Да нет, ничего не отменяется. Погоди, погоди, ты слушай! Знаешь, кого к нам привезли? Карину, ну, эту, забыл, как ее фамилия, она на фестивале торговых марок показывала зеленое платье, ну, которое получило бронзовую медаль, помнишь? Синцова, точно, ее фамилия

Синцова, вспомнил! Как куда привезли, ты что?! В морг привезли! Мертвую, а какую же еще? Слушай, ты не знаешь, у нее какая-нибудь родня есть, мать или кто-то там еще? Она из Сергача? И родители в Сергаче? А телефон знаешь? Только сестры? Ну позвони ей, скажи... Анька, да ты придумай, чего сказать, конечно, кошмар, но позвонить надо. Что ж она тут будет лежать у нас, как неприкаянная? Да ты не плачь, может, я еще и ошибся, может, это еще и не она...

– Блин! – ожесточенно сплюнул красноглазый санитар. – Во молодежь пошла! Там у человека небось инфаркт, а он: я, может, ошибся...

– Ну, долго вы будете тут стоять? – неприветливо буркнул Эльдар, отступая от двери и давая возможность занести носилки в прозекторскую. – Заносите, я ее по-быстрому посмотрю, раз свой человек.

Рутковский вздохнул, потер переносицу... Эльдар задумчиво вычерчивал по линолеуму ломаные черные линии носком валенка.

– Так как братишка? – тихо спросил Рутковский.

Эльдар сверкнул на него глазами:

– Сказал же – нормально. Не волнуйся.

– А я волнуюсь, – пожал плечами Рутковский. – Такой вот беспокойный уродился. Нет, серьезно, получше ему? Температура спала?

Эльдар кивнул, и впервые что-то человеческое мелькнуло в его лице, более напоминающем гипсовую маску, снятую с покойника.

Вернулся Сычов с носилками.

– Все, что ли? – утомленно простонал Рутковский. – Ну, тогда счастливо ночевать, ребята!

– Приятных сновидений, – неприветливо отозвался Эльдар, уходя с поднятыми руками в прозекторскую.

* * *

Александра схватила комок снега, провела по лицу, а потом, словно очнувшись, вскочила на ноги и ринулась в ближний подъезд. Забыв о лифте, взбежала, задыхаясь, на пятый этаж, и остановилась возле крайней квартиры, откуда доносились залиvistые музыкальные вопли. Александра вонзила палец в кнопку звонка и не отнимала до тех пор, пока на уровне ее глаз не засветился кругленький «глазок» на двери, а вслед за тем раздраженный женский голос выкрикнул:

– Чего надо?

– Здесь живут Золотовы? – громко спросила Александра. Вопрос был глупый – она точно знала, что именно в эту квартиру был вызов, окончившийся для нее так кошмарно. – Мне нужно с вами поговорить. Это очень важно!

Женский голос после небольшой паузы взвизгнул:

– Иди в больницу! – Светящееся окошечко погасло.

Александра мгновение стояла в полном недоумении. Откуда Золотова могла знать, что она – врач, что необходимо поскорее дать знать о себе на работе, где ее, без всякого сомнения, потеряли?.. Разумеется, она пойдет в больницу, но не прежде, чем предупредит этих людей об опасности, которая им грозит.

К Александре уже вернулась способность связно мыслить, и теперь ей нетрудно было сообразить, что на свободу она вышла благодаря потрясающей, удивительной человечности похитителей. Все-таки они вдумались в ее истерические доводы, провели мало-мальскую проверку и сообразили, что едва не допустили роковую – и в то же время глупейшую ошибку. И, чтобы не губить невинную душу, выпустили Александру на свободу, уверенные, что она, как нормальный человек, сейчас же ринется домой и будет там дрожа дрожать несколько дней, вознося господу благодарственные молитвы и постепенно отходя от пережитого страха. Но как же можно не предупредить об опасности Золотовых? Ведь похитители, если задумали, доберутся-таки до Алины, и на сей раз осечки не произойдет.

Она снова принялась трезвонить, то надолго вдавливая палец в кнопку до отказа, то раздражаясь серией коротких нервных звоночков, которые и ей-то самой в конце концов осточертели, а уж хозяйку квартиры непременно должны были довести до иступления.

Так оно и произошло. По ту сторону двери что-то громко лязгнуло. Этот звук до такой степени напомнил Александре лязганье засова в подвале, что у нее подкосились ноги, и она с трудом подавила в себе желание ринуться сломя голову вниз по лестнице, чтобы поскорей убраться отсюда восвояси. Но было уже поздно: дверь рывком распахнулась, обдав Александрю музыкальной волной, и на пороге предстала маленькая – ей ниже плеча – худенькая женщина в коротеньком обтягивающем платье. Женщину вполне можно было бы принять за девочку, когда б не вытравленные перекистью, взлохмаченные волосы и злое немолодое личико, щедро покрытое морщинками и косметикой. В руках женщина держала пистолет.

Дуло смотрело прямо в глаза Александры, а сухонький наманикюренный палец давил на курок с такой решимостью, что через полсекунды, самое большее, должен был последовать выстрел, который, учитывая никакое расстояние, разнесет голову Александры на части.

Что? Вырваться из лап смерти, чтобы тотчас пасть жертвой истеричной бабенки (невропатия просто-таки огромными буквами была написана на этом треугольном сердитом личике)?!

Недолго думая, Александра вцепилась в отягощенное браслетами запястье и вывернула его так, что женщина согнулась от боли, взвизгнула – и уронила пистолет. Она еще пыталась выпрямиться, нянча онемевшую руку, а Александра уже проворно подхватила пистолет и протянула его женщине со словами:

– Давайте без глупостей. У меня к вам очень важное...

В это самое мгновение что-то тяжелое, похожее на толстую змею, перехлестнуло ей горло, потянуло назад. Задыхаясь, Александра вцепилась в змею ногтями, однако они бесполезно скользили по толстой коже. А хватка сжималась, дышать становилось все труднее.

– Брось пистолет! – рявкнула змея в ухо – почему-то человеческим голосом.

Не тратя времени на удивление, Александра с готовностью разжала пальцы, но не услышала стука упавшего оружия – его заглушил звон, нараставший в ушах. Ноги у нее подогнулись, и в это самое мгновение хватка разжалась, Александра смогла втянуть в себя воздух и, мгновенно ослабев, тяжело осела на холодный цементный пол.

Но посидеть и отдохнуть ей не удалось: чьи-то немилосердные руки вздернули ее за плечи, грубо повернули, и Александра сквозь разноцветные круги, которые все еще плыли перед глазами, увидела толстощекое, крепкое мужское лицо. Сверху лицо завершалось взъерошенными перьями сильно поседевших волос, а снизу – тяжелым подбородком и чем-то черным, длинным, в чем Александра после некоторых раздумий признала кожаное пальто. Тотчас до нее дошло, что давила ее никакая не змея, а рука этого человека. Она слабо потерла шею, все еще не в силах отдышаться после мертвой хватки...

– Скажи спасибо, что не задушил. А следовало бы! – буркнул незнакомец. Хотя почему незнакомец? Разноцветные круги меркли, редели, с каждым мгновением Александра видела все отчетливей и теперь вполне могла узнать знаменитого банкира Золотова, с ненавистью буравившего ее маленькими черными глазами.

– Чего ей тут надо? – сурово спросил банкир у жены, продолжая, впрочем, сторожить взглядом и пистолетом каждое движение Александры.

– Не знаю! – нервно ответила та. – Трезвонила в дверь так, что мы с Алиной чуть не оглохли, а когда я открыла...

– А за каким чертом открывала? – рявкнул банкир. – Вдруг бы тут десяток амбалов с оружием стоял? Сколько раз говорено – если что не так, сразу звони в милицию или хотя бы мне в охранное отделение.

– В охранное отделение! – взвизгнула жена. – Там у вас вечно занято, такое ощущение, что твои качки круглые сутки сексом по телефону занимаются. Двести раз говорено, что в квартире постоянно должен дежурить человек!

– Человека тебе?! – взревел Золотов. – Чтобы опять за Алькины аборт...

Он осекся, видимо, сообразив, что ни к чему делать маленькие секреты большого бизнеса достоянием всеподъездной гласности, и толчком отправил жену в глубину квартиры. Стремительно шагнул следом, таща за собой Александру, и захлопнул дверь так, что по стенам гул прошел, а грохот музыки вдруг притих. Вслед за этим откуда-то раздался злой девичий крик:

– Потихше! Не мешайте! – и музыка взревела громче прежнего.

Банкир возвел очи горе, а затем его глазки-буравчики принялись перебегать с Александры на жену и обратно, и в конце концов он отрывисто сказал:

– Немедленно вызывай милицию!

Нетрудно было понять, кому конкретно адресовано это указание-приказ. Жена банкира сорвала трубку с затейливого висячего аппарата, набрала 02, провизжала что-то малоразборчивое – и, швырнув трубку, с торжеством уставилась на Александру. Но лицо ее изумленно вытянулось, когда вместо страха она наткнулась на облегченную улыбку.

– Как хорошо, что вызвали милицию, – радостно сказала Александра. – Сейчас уж точно все разъяснится.

– Да? Сама в вытрезвитель не могла отправиться, надо было непременно попросить об этом добрых людей? – ехидно осведомился Золотов.

– Да вы что, всерьез подумали, что я представляю для вас какую-то опасность? – усмехнулась Александра. – Наоборот! Я пришла предупредить об опасности, которая грозит вам, а вернее, вашей дочери!

– Что? Не трогай Альку, ты, грязная вонючка! – заорала Золотова, кидаясь на Александру с вздетыми кулаками так стремительно, что муж только в последнее мгновение успел перехватить ее в полете и отшвырнуть к стене, отделанной дубовыми панелями и совершенно немыслимыми шелковистыми обоями. Дама сильно ударилась спиной и замерла, словно прилипнув к деревянной обшивке.

– Заткнись, – понизив голос, велел Золотов. – Черт, как же до меня сразу не дошло!.. – Он закатил глаза и покачал головой. – Немедленно позвони в отделение, отмени вызов.

– Что?! Отпустить эту пьянчужку?

Мадам Золотова мгновенно отклеилась от стены и опять полетела с кулаками – теперь на мужа. После того как она вернулась на исходную позицию к стене и застыла с вытаращенными глазками и перекошенным ртом, Александра утомленно покачала головой. Ей случалось бывать в семьях, где супруги общались как не поделившие последнюю бутылку алкоголики или наркоманы, рвущие друг у друга последнюю затяжку. Но то и были семьи алкоголиков или наркоманов. А здесь... все-таки банкир, богатый человек. Должен бы научиться вести себя прилично, а не как взбесившийся авторитет. Хотя давно сказано, что в основе всякого крупного состояния непременно лежит преступление! И очень может быть, что похитители тянут лапы к Алине не столько из-за ста тысяч долларов, но из мести к ее отцу!

– Так вот, что касается Алины, – торопливо сказала она. – Вам в последние дни должны были доставить две видеокассеты...

– погоди, – сказал Золотов, и Александру поразило молящее выражение, вдруг вспыхнувшее в его узких глазах. – погоди минуточку.

Он шагнул к телефону, набрал 02:

– Извините, я хочу отменить вызов...

Александра вытаращила глаза. Изумили ее не столько слова Золотова, сколько интонации, с какими они были произнесены. Черт, а она-то думала, что этот толстый дядька может только рычать, рявкать и гавкать. Неужели это он издает сейчас вкрадчивое мурлыканье, достойное кота Матроскина?!

– Золотов, моя фамилия Золотов. Тот самый, да. Понимаете, жена просто ошиблась, у нее тут был небольшой стресс... Поздно? Уже выехали? Так отзовите их! Связи нет? Как связи нет?! О, черт!

Швырнув трубку, Золотов подскочил к Александре и, схватив ее за плечи, сильно потряхнул:

– Ну! Говори быстро, пока тут никого нет! Какие кассеты? Что на них? Сколько я должен заплатить за Альку?

Александру остро укололо изумление: зачем похитителям было устраивать съемки, если пленку так никому и не предъявили? Про запас, что ли? А как Золотов смог столь мгновенно догадаться, что нужны деньги за Алину? Впрочем, ничего удивительного: он банкир, значит, для него все в мире имеет конкретный денежный эквивалент. И она откровенно ответила:

– На кассетах снята я. А платить надо сто тысяч долларов.

Мадам Золотова издала тихий стон и сползла по стенке на пол. Секунду Александре казалось, что Золотов последует примеру супруги: уж очень он побледнел, – однако этого человека было не так просто сбить с ног. В следующий миг он уже хладнокровно переступил через бесчувственное тело супруги и понесся по коридору, волоча за собой Александру с такой напористостью, что ноги ее порою отрывались от земли.

К счастью, путь оказался не очень длинным. Пинком распахнув дверь, из-за которой рвались музыкальные децибелы, хозяин ворвался в комнату, швырнул Александру в угол и, вырвав у долговязой томной девицы пульт, одним ударом установил в мире тишину. Затем сгреб девицу за волосы, да так, что она отчаянно взвизгнула, отправил ее на диван, в компанию к Александре, а сам упер руки в боки и взревел:

– Вам что, мужиков на свете мало? Лесбюхи проклятые! Наркоманки! Алкоголички!

Но тут голос его дрогнул, а затем грозный банкир уронил свое могучее тело на стул и тихо застонал, раскачиваясь из стороны в сторону и сжимая ладонями виски.

Сидевшие рядом девушки испуганно отпрянули друг от друга и переглянулись.

– Папаня, ты спятил? – вскричала Алина, забыв про свою томность. – Да я ее в первый раз в жизни вижу!

– Ври больше! – мгновенно выходя из ступора и вскакивая, взревел отец. – Первый раз в жизни! Про какие тогда кассеты она рассказывает? Почему требует сто тысяч? Это сколько ж выкурить можно! И на что ты перешла? У тебя теперь иглы из чистого золота, что ли? А шприцы алмазные? Сто тысяч долларов! Да я за такие деньги... не посмотрю, что родная дочь: возьму за одну ногу, на другую наступлю и раздеру, как куренка!

Алина снова взвизгнула и закрыла лицо руками, потому что Золотов, конечно, был дик и злобен...

А до Александры только сейчас дошло, как воспринял Золотов ее визит и бессвязные разглагольствования. Поэтому она отпрянула на край дивана как могла проворно и с ужасом уставилась на бледнолицую, всю какую-то вытянутую девицу, у которой, чудилось, не было в теле ни единой косточки, настолько изломанные и перекрученные позы она принимала.

У этих долбанных похитителей глаза не иначе были на затылке, если они смогли перепутать кого-то с дочерью Золотова! Во-первых, такие огромные глазищи с такими фонарями под ними надо буквально днем с огнем искать. У Александры же нормальной величины серые, совершенно обыкновенные гляделки. Потом волосы: у Алины они жгуче-черные, что называется, смоляные! А у Александры – русые, с пепельным оттенком. На свой рост Александре жаловаться не приходилось, все-таки метр семьдесят два – это вам не кот начихал, однако Алина была длиннее ее по меньшей мере на десяток сантиметров, а о такой плоской фигуре, более напоминающей палку, просто-таки грезил восходящая звездочка подиума Карина Синцова, ежедневно изнурявшая себя диетами и гимнастикой из тридцати двух упражнений, не считая утренних и вечерних пробежек в парке Кулибина. Александру никак нельзя было назвать толстухой, но рядом с Алиной она показалась себе Ханной Трой – той самой, которая претендовала на место в Книге рекордов Гиннесса как самая толстая женщина планеты. Наверное, похитители волосики на своих дурных головах рвали, поняв роковую ошибку! И если Алина все же попадется к ним в лапы, они выместят на ней свое разочарование, а также напрасно потраченное время, силы и видеокассеты. Поэтому Александра отбросила обиду (а разве не обидно, когда тебя считают лесбиянкой, наркоманкой и шантажисткой в одном лице?!) и храбро повернулась к Золотову:

– Да вы меня не так поняли...

– Я тебя прекрасно понял! – взвыл тот. – Но хрен тебе, если думаешь, что я буду платить! Сейчас сдам тебя в милицию, скажу, что пыталась нас ограбить, и посмотрим, какие песни ты там запоешь. А если решишь хоть слово вякнуть про Альку...

Он не договорил, потому что из прихожей донесся настойчивый звонок.

– Вот! – радостно воздев палец, выкрикнул Золотов. – Советую тебе лучше язык откусить, чем продолжать свои клеветнические измышления! – И он вылетел в коридор, как «русская ракета» Павел Буре вылетает на хоккейную площадку.

– Господи! – простонала Александра. – Какая я дура! Я же просто хотела помочь!.. Я ведь врач, я ваш участковый врач!

– У тебя курнуть есть? – оживленно перебила ее дочь Золотова. – Сижу без кайфа уже целый день. Скоро и правда врача вызывать придется, только не участкового, а «Скорую», ломку снимать.

В коридоре раздался топот воинственных ног.

– Слушай! – В новом проблеске альтруизма Александра вцепилась в тощенькую лапку Алины. – Слушай меня внимательно! Несколько дней назад... сегодня какое число?

Алина пожала плечами. В глазах ее плавал туман.

– А какая разница?

– Меня похитили вместо тебя! Трое мужчин, один говорит с явным кавказским акцентом, на руке у него – вот здесь! – уродливый расплывчатый шрам.

– Да ты чо?! – воздела бровки Алина.

– Честное слово! За тобой идет охота, ты должна быть осторожной, а лучше – на некоторое время уехать из города. И пусть поостережется твой отец!

– Уехать? А куда-а? На Гава-а-айи? – зевнула Алина.

Она даже не успела закрыть рот. Дверь распахнулась, и серые рубоповские тела одно за другим начали вваливаться в комнату. Александра не моргнула и глазом, как была схвачена, стиснута и увлечена вон из комнаты, затем из квартиры (перед ней мелькнуло и исчезло злорадное лицо Золотова), а потом грубо стащена вниз по лестнице. И при этом было у нее такое ощущение, будто злою волшебною силою она оказалась перенесенной в царство глухих. Все ее бессвязные, но отчаянные восклицания типа: «Я участковый врач Александра Синцова, меня похитили неизвестные, приняв за Алину Золотову, отпустили только сегодня, Алине грозит опасность, следующей жертвой будет она, я должна предупредить!» – оставались безответными. Однако серые тела были все-таки наделены даром речи.

– Щас предупредишь, – миролюбиво сказала одно из них, двухметроворостое, с косой саженью в плечах. – Щас мы тебя в вытрезвиловку свалим – и предупредишь.

Опять это мерзкое слово!

– В какую вытрезвиловку? – воскликнула Александра. – Я совершенно трезвая!

– Да? – глумливо уточнило серое тело. – Ну, если ты трезвая, то я – пирожное «Наполеон»! – И толчком ноги тело распахнуло дверь подъезда, совсем близко к которой стоял серый милицейский «рафик».

При мысли о том, что ее сейчас опять куда-то повезут, где-то запрут, опять начнутся издевательства, и, значит, в ближайшем обозримом будущем принять душ и переменить белье вряд ли удастся, Александра издала поистине звериный вой и начала сражаться за свою свободу с такой энергией, что серые тела вынуждены были ослабить хватку и даже как бы замешкаться. Из «рафика» выскочил еще кто-то и кинулся на подмогу к своим, но глянул мельком на Александру и споткнулся.

– Александра Егоровна! – воззвал он с неподдельным изумлением. – Что с вами?!

Александра замедлила частоту рукомахов, обернулась на этот, столь давно ею не слышимый, человеческий голос, и напрасно, потому что сейчас же была взята мертвым захватом под чью-то крепкую подмышку, и перед глазами у нее все поплыло. Однако тотчас хватка ослабела, чьи-то руки вцепились в нее и принялись тереть виски снегом, приговаривая:

– Что вы, Александра Егоровна? Да вы, парни, охренели?! Это ж докторша! Она мою жену лечила!

Александра приоткрыла глаза и вгляделась в веснушчатое обеспокоенное лицо. Убей бог, она не могла вспомнить этого человека, однако слабо улыбнулась ему и вежливо сказала:

– Здрасьте! – А потом, завороченная жалостью, мелькнувшей в голубеньких глазах, завела свою прежнюю шарманку.

На сей раз ее хотя бы слушали. Александра полувисела в крепких объятиях веснушчатого лица, а серые тела смотрели со скучающим выражением.

– Да господи же! – вдруг оборвала сама себя Александра и выпрямилась. – Вы мне все-таки не верите?! Да о моем исчезновении обязательно должна была заявить сестра! Вы можете уточнить, это элементарно!

Серые тела переглянулись, и одно из них, самое, по-видимому, любопытное, ринулось в кабину. Александра продолжала темпераментно рассказывать о своих злоключениях, однако буквально через минуту ее речь была прервана возвращением любопытного тела, которое скучным голосом сказал:

– Никакого заявления. Врет она все. Что и требовалось доказать. Хватит травить баланду, поехали!

– Погодите! – воскликнул веснушчатый. – Ребята, давайте ее отпустим. Ну, выпила женщина, крыша и поехала.

– Я не пью, вы что, с ума сошли? – гневно воскликнула Александра.

– Да нет, Александра Егоровна, – вежливо возразил ее заступник, – иногда пьете. Во всяком случае, сейчас от вас, прошу пARDону, разит, как от винной бочки.

– Скажи – от водочной цистерны! – буркнул двухметровый рубоповец.

Александра закрыла лицо руками.

Какую же свинью подложили ей на прощанье похитители! Какую же подлянку устроили, заставив проглотить эти несколько капель водки и «нечаянно» облив свитер! Неудивительно, что от нее все носы воротят и ни одному ее слову веры нет, хотя она трезва как стеклышко.

– Да вы успокойтесь, Александра Егоровна, – ласково зажурчал над ухом голос веснушчатого милиционера. – С кем не бывает? Иной раз придешь с дежурства, так вмажешь с устатку, что потом полночи зелененький криминал по углам ловишь. Вы вот что – вы лучше идите домой. А хотите, мы вас подвезем, вы ведь налегке, а морозы уже начались. Садитесь в машину, полминуты – и вы дома. Где живете-то?

– На Коро... – начала было Александра, да осеклась. – Нет. Я сама пойду. Я вам не верю! Дайте только два рубля на трамвай и оставьте меня в покое. А деньги я вам завтра же верну. Принесу в отделение.

Веснушчатый протянул ей на широкой ладони монетку.

– Бог с ними, с двумя рублями, – сказал он великодушно. – И если хотите, идите, конечно, домой ножками. Вы, главное дело, не заболейте. И лучше это... вам бы не надо...

Он замялся, словно школьник на уроке, забывший стишок.

– Пить надо меньше! – великодушно подсказал его крупногабаритный коллега. – А лучше вообще не пить, ежели головенка слаба!

Вслед за тем серые тела разом откозыряли Александре, вскочили в свой «рафик» и скрылись за углом.

Она опять потерла лицо снегом. Вскинула голову и нашла на пятом этаже закрытые светлыми жалюзи окна Золотовых. Покачала головой – нет, хватит на нее сегодня альтруизма, пора и о себе позаботиться! – и нетвердо зашагала со двора, думая сейчас только о том, какого же сваяла дурака, не попросив у благожелательного мента еще двух рублей – на автобус, потому что до трамвая еще топать да топать, а ноги у нее подкашиваются.

Но ничего, дошла худо-бедно! Подняв воротник свитера и спрятав в него лицо, она бегом пробежала всю улицу Бориса Панина до самой до Ошарской и, догнав уже отходящий 27-й трамвай, вскочила на заднюю площадку. Вагон был практически пуст, а кондукторша, вероятно, уже слишком устала от жизни, чтобы поднять глаза выше Александриной ладони, с которой она взяла двухрублевую монету и на которую положила билет. Как медленно идет трамвай! Но ничего, вот уже и Ашхабадская, Александре выходить на следующей. На работе ее, конечно, потеряли, но и думать нечего завалиться туда в таком виде. Нет, сначала домой, в ванну, поесть по-человечески, успокоиться.

– Остановка «Студеная»!

Александра вылетела из вагона и понеслась боковой улицей к своему дому. Двор пуст – повезло. Она ворвалась в подъезд, молясь, чтобы не попался на пути никто из говорливых и болтливых соседей, как вдруг сердце больно толкнулось в груди. А ключ? Ключ остался в ее куртке, которая сгинула в неизвестности. И если Карины нету дома, не миновать стать идти за запасным ключом к соседке Лидии Ивановне, которая, конечно, добрейшей души человек, но ее языком можно опоясать землю по экватору – и еще на полраза останется!

Видимо, лимит везухи, отпущенной Александре на сегодняшний день, себя истощил. Сестры дома не было, и, сколько ни жала Александра родимый звонок, за дверью не раздалось ни единого ответного звука. «Ну, если еще и бабы Лиды дома нету...» – подумала она с ужасом, спускаясь этажом ниже.

Слава те, господи!

– Кто там? – слабенько слышалось за дверью соседки.

«Заболело горло, что ли?» – привычно встревожилась Александра, вспомнив свою всегда громогласную соседку.

– Лидия Ивановна, откройте, это я, Саша Синцова! – давясь от внезапно нахлынувших счастливых слез, выкрикнула она, прильнув к клеенчатой обивке, – и чуть не упала в квартиру, настолько быстро открылась дверь.

Высокая, полная фигура в цветастом халате выросла на пороге и при виде Александры замахала руками, словно не верила глазам:

– Сашка? Ты?!

– Ой, Лидия Ивановна! – Александра сделала движение броситься к соседке на шею, однако вспомнила впечатление, которое сегодня производила на людей, и благоразумно отпрянула. – Дайте ключ, я тут попала в такую жуткую историю, потом все объясню, у меня куртку украли вместе с ключом, а Карины дома нет, не знаете, она скоро придет?

Все это она выпалила на одном дыхании, удивленно глядя в соседкины глаза, которые наливались слезами.

– Что вы, Лидия Ивановна? – не удержалась-таки, всхлипнула и Александра. – Вы, наверное, обо мне беспокоились? Карина небось с ума сходила? Это кошмар со мной был, такой кошмар!

– Саша, – пролепетала Лидия Ивановна, и слезы, перекатившись через нижние ресницы, ручьем хлынули по круглому морщинистому лицу, – Сашенька, ты разве еще ничего не знаешь?

– Что случилось? – напряглась Александра.

– Карина умерла... Упала на улице и умерла. Завтра похороны в Сергаче. Тебя искали, искали, но тебя не было.

Александра молча смотрела в испуганные, неудержимо плачущие глаза.

– Дайте ключ, – сказала она, очень удивилась, не услышав собственного голоса, а потом узенький коридорчик Лидии Ивановны вдруг закачался из стороны в сторону, одновременно улетающая куда-то ввысь, в темноту и глухоту... Александра попыталась поймать его, но только взмахнула бестолково руками – и рухнула навзничь без памяти.

* * *

Карина ушла из гимнастики из-за Риммы.

А может быть, все-таки из-за Всеволода? Это был самый красивый мальчишка в мужской сборной, все девчонки строили ему глазки, а он на такие откровенные знаки внимания только хмурился и старался оказаться как можно дальше от своих поклонниц. «Севка у нас еще мальчик, он лучше на коня ляжет, чем на девчонку», – острили ребята: Всеволоду хуже всего удавались выступления на «коне».

Когда Всеволод Корнилов делал вольные упражнения, зал просто задыхался от восторга, оценивая его юношескую красоту и пластику. Да и начало его выступлений на снарядах всегда было завораживающим, у зрителей даже слезы порой выступали, когда Всеволод делал разбежку на коня, или взлетал к перекладине, или подступал к брусьям. Чудилось, он сейчас взойдется над землей и полетит! Если честно, это первое впечатление было таким сильным, что именно оно заставляло каменные сердца арбитров вздрагивать – и присуждать Всеволоду бронзу, а не оттеснять его на одно из непризовых мест. Все он вроде бы делал как надо, его профессионализмом можно было бы только восхититься, но это литое, античное тело словно бы деревенело, когда приходилось исполнять самые сложные, эффектные, а значит, самые опасные элементы, и ощущение страха, испытываемого гимнастом, было настолько сильным, что оно передавалось даже публике.

Между прочим, нет такого гимнаста, который бы вообще ничего не боялся. Никуда не денешься от мыслей, что с тобой будет, если сломаешь руку или ногу, получишь травму позвоночника. Дело тут не в страхе перед болью, а в ужасе перед концом карьеры. К примеру, перелом ноги. Подружка Карины, Ася Воробьева, после того как пролежала сорок пять суток под вытяжкой, да еще потом невесть сколько ковыляла с костылями, настолько потеряла форму, что так и не смогла ее вернуть. А ведь была первой кандидаткой на золото в

мировом чемпионате!

Боятся все, да, – но только на тренировках. А когда выходишь на помост, остается только один страх: сделать ошибку в программе, не дотянуть какой-то элемент. Все остальное куда-то улетает от тебя... Ну а от Всеволода, значит, не улетало.

– Не орел, – вынес суровый приговор тренер Карины Мир Яковлевич. – Классный мальчик, но не орел. Такое ощущение, что вот-вот за воздух начнет хвататься.

Ну что ж, каждому свое. Все равно Всеволод – обалденный красавец, лучше всех! Волосы черные, глаза синие-синие, черты лица словно выточенные. Даже какой-то ненастоящий! В него очень просто влюбиться, Карина не влюблялась только потому, что была уверена: у нее нет никаких шансов. А просто так страдать и маяться – какой интерес. Хотя от безответной любви, говорят, худеют...

Сколько себя помнила Карина, ее преследовали два желания: похудеть и поесть. Крамольные мыслишки порою закрадывались в голову: какой смысл жить, если это не жизнь, а постоянная угроза голодной смерти?! Вот, к примеру, перед сборами выпьешь на завтрак стакан сока, а на обед съешь крохотную шоколадку с чашечкой несладкого чаю – и это еще хорошо. Разумеется, никакого ужина. Иной раз, когда совсем уж тоскливо становится, «развратишься» яблоком или постным йогуртом. И все! И так несколько дней подряд! После соревнований, конечно, отводили душу за роскошным ужином, особенно если праздновали победу. Но после таких обжорств все маялись животами, а тренеры исходили криком, заметив минимальную прибавку на тощих телах гимнасток.

«Ты какая-то неправильная, – с отвращением говорил Карине Мир Яковлевич. – Если будешь пить одну только воду, все равно поправишься. И даже если воду не будешь пить!»

«Это, наверное, потому что я деревенская, – с грустью думала Карина. – Все-таки Сергач – это, скорее, деревня, чем город. А может, воспоминания о маминых оладушках и пирожках с печенкой уже сами по себе калорий добавляют!»

Все произошло в Монако. Это была ее последняя зарубежная поездка. Накануне стартов всю сборную – и мужчин, и женщин – пригласил к себе родственник принца Монако. Он был большим поклонником спортивной гимнастики, в основном гимнасток, как хихикали между собой девчонки. Ну что ж, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Может, это не очень прилично – называть особу, приближенную ко двору, паршивой овцой, но он оказался таким несимпатичным, что девчонки с трудом сдерживали брезгливую дрожь, когда хозяин пожимал им руки своей влажной пухлой лапой. Впрочем, приставаний опасаться не стоило: очень скоро стало ясно, что его интересует только один человек.

Карину иногда поражало, сколько сексуальных эмоций вызывают у зрителей их выступления. Хотя, конечно, когда на помост выходила, к примеру, Римма Волгина – их прима, звезда сборной, с ее алчно горящими черными глазами и совершенно гуттаперчевым телом, что-то необычное ощущали даже ее соперницы-ненавистницы. Не зря Мир Яковлевич – он тренировал и Римму – нарочно требовал от хореографа, чтобы тот подчеркивал именно эротичность облика гимнастки. «Перед тобой Лолита, – твердил он и визажисту команды. – Порочная и невинная, еще более порочная именно оттого, что пока еще абсолютно невинная». Вся штука в том, что Римма давно уже не была невинной, и она без стеснения рассказывала об этом девчонкам. Ее первым мужчиной был первый тренер из родного Новосибирска, лишивший Римму девственности, когда той было всего тринадцать лет. Их тренировки незаметно переросли в такие интенсивные занятия сексуальной акробатикой, что тренер (он, кстати, был довольно молод, двадцать пять, не больше) не на шутку влюбился. Но однажды на тренировку случайно заглянула мать Риммы, а зал, где проходили «индивидуальные занятия», оказался по роковой оплошности не заперт...

Заявление в милицию было написано, однако в приватной беседе мигом протрезвевший тренер смог убедить разъяренную родительницу, что на свободе он будет ей полезней, чем за решеткой. Амбиции мадам Волгиной относительно своей дочери ни для кого не были тайной. В результате молодой человек лично обратился к своему двоюродному дяде – тренеру российской сборной по женской спортивной гимнастике, – и Римма была принята в команду. Сказать по правде, дядя ни разу не пожалел об услуге, которую оказал похотливому племяннику, поскольку в лице Риммы сборная воистину приобрела неограненный алмаз. Постепенно алмаз стал настоящим бриллиантом, а ранняя опытность придавала отточенной пластике Риммы тот оттенок чувственности, которая делала ее выступления непревзойденными. Однако в обычной жизни Римма держалась очень скромно, даже скованно, и, только слегка захмелев – она страшно любила крепкое темное пиво типа «Портера», – позволяла себе

повспоминать боевую новосибирскую юность и описать свой первый в жизни оргазм, испытанный в висе на кольцах вниз головой, в обнимку с изобретательным тренером.

Итак, вернемся к тому приему... Хозяин с Риммы просто-таки глаз не сводил, его явно бросало то в жар, то в холод, и очень скоро остальные девушки и парни из мужской команды поняли, что были лишь приличествующим оформлением к этому свиданию. Римма сидела слева от хозяина, и если руки его были заняты ножом и вилок, то никто не сомневался: ногой он жмет к худенькой, затянутой в черный ажур коленке Риммы. Любопытство Алочки Милянчиковой, подружки Карины, так разгорелось, что она даже нарочно уронила вилок, чтобы заглянуть под стол и удостовериться факт соблазнения, однако тут же из-за спины подлетел вышколенный лакей и заменил вилок, дав улыбкой понять, что прежняя может валяться на полу хоть до второго пришествия – со столовыми приборами в этом доме проблем нет!

Обстановка за столом царила довольно-таки нервная. Тренеры явно считали минуты до конца приема – послезавтра девчонкам на помост, что будет со сборной, если хозяин все-таки ухитрится зажать Римму в каком-нибудь укромном уголке и обрушит на нее всю мощь своего застоявшегося сладострастия? Он тяжелее ее килограммов на пятьдесят, это точно! Хватит ли ей суток, чтобы прийти в себя, восстановить форму? И что будет со сборной, если Римма даст ему слишком решительный отпор, вдруг вспомнив, что у советских (в данном случае у российских, но это детали) собственная гордость? Не выпрут ли ее из страны как персону нон грата? Тогда с надеждами на командную победу придется проститься...

Во всей этой скрытой суматохе имелось, впрочем, одно, безусловно, положительное обстоятельство. Внимание тренеров было направлено на Римму, то есть отвлечено от остальных девчонок. И каждой удалось тайком отведать немало вкусностей, от которых так и ломился роскошный стол. Перед походом сюда их сурово инструктировали: «Только салатики, и то чуть-чуть, по капельке! Сладкого – ни-ни!» Но, почуввав свободу, девчонки осмелели, а прислуге, похоже, доставляло удовольствие искушать голодных русских новыми и новыми лакомствами.

Карина, впрочем, держалась стойко. Есть почему-то не хотелось – она даже сама себе удивлялась, – но, гоняя по тарелке одинокий листик салата, она ни разу не удостоилась одобрительного кивка Мира Яковлевича: тому было совершенно не

до нее. Но когда подали торт-мороженое...

К тому времени международная обстановка несколько нормализовалась. Хозяину, похоже, удалось умерить свои желания – наверное, он был из тех мужчин, которые быстро вспыхивают и быстро остывают. Тренеры наконец-то распрямили свои искривленные слежкой за Риммой шеи и стали более внимательно глядеть на девочек и парней, которые, впрочем, уже вполне насытились и могли изобразить легкую скуку на лицах, разглядывая величавое бело-розово-ванильно-фисташково-шоколадное сооружение, воздвигнутое в центре стола. Они-то, наевшись, могли, а вот Карина...

Спавший доселе аппетит вдруг вспыхнул, как сверхновая. Она смотрела на стоящую перед ней хрустальную, с позолотой, креманку, в которой медленно оплывал здоровенный кус торта, увенчанный долькой ананаса и шоколадной фигуркой гимнастки, и в отчаянии чувствовала, что готова отдать свою гипотетическую бронзовую медаль и вообще все на свете за те секунды, когда мороженое будет таять во рту.

Но бдительный Мир сверлил ее таким взглядом! Карина чуть не заплакала от отчаяния и вдруг почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Это был Всеволод. Он сидел рядом с Миром и, наверное, без труда разгадал смысл мини-трагедии, которая разворачивалась на его глазах. Его четко вырезанные губы дрогнули в улыбке, а затем Всеволод обратился к Миру с каким-то вопросом. Тренер обернулся – да так и застыл в этом положении. Всеволод что-то торопливо говорил, говорил ему... Мир сидел как замороженный, иногда пытаясь ответить, но тотчас умолкал, подавленный красноречием Всеволода.

Они беседовали очень тихо, а над столом висел гул множества голосов, поэтому Карина не могла разобрать ни слова. Да она и не пыталась! Рука ее летала над хрустальной вазочкой, как пчелка, она глотала и глотала, от волнения даже не ощущая вкуса вожаделенного мороженого, и вот вазочка опустела. В ту же секунду бдительная лакейская рука сдернула ее со стола. Севка метнул на Карину озорной взгляд и умолк. Мир Яковлевич еще мгновение смотрел на него, потом обернулся и увидел Карину со скупающей миной на лице и чинно сложенными на коленях руками. Впрочем, у Карины создалось такое впечатление, что Мир ее вряд ли заметил, настолько он был потрясен словами Всеволода.

После того как встали из-за стола, некоторое время все гости вежливо слонялись по особняку, ахая и охая от его красот. Нет, ну в самом деле роскошное здание, а какой сад! Карина, опьяневшая от мороженого – так всегда бывает, если переешь после долгой голодухи, – прижалась к какой-то немыслимой колонне и тихо напевала в состоянии полного блаженства.

– Да, русских песен тут, пожалуй, не слышали, – шепнул кто-то за спиной, и она испуганно осеклась, но тут же улыбнулась: это Всеволод. Стоит рядом, такой красивый, что дух захватывает, и улыбается!

Карина на всякий случай шмыгнула глазами вправо-влево. Рядом никого. Значит, эта ласковая, ослепительная улыбка и в самом деле предназначена ей?!

– Представляешь, что было бы с Миром, если бы мы сейчас завели хором? – усмехнулся он. – Начинай, а я подхватчу.

– Выхожу один я на дорогу, – озорно повысила голос Карина, – сквозь туман кремнистый путь блестит...

– Не понял, – свел брови Всеволод. – Это из чьего репертуара? Леонтьев поет, что ли?

– Христос с тобой, это же Лермонтов! Романс на стихи Лермонтова! – прыснула Карина.

– Честное слово, я учил, Марь-Иванна, – пробормотал Всеволод с комическим испугом. – Учил, но забыл!

– Самый лучший романс на свете, – горячо сказала Карина. – Я его больше всего люблю!

– Даже больше мороженого?!

Карина смущенно усмехнулась:

– Мороженое идет сразу следом.

– Оно хоть вкусное было?

– Наверное, вкусное. Если честно, я даже не поняла, так спешила.

– А я, представляешь, такой псих, что не люблю мороженое. Зато обожаю всякие молочные коктейли. И если ты не против, давай послезавтра после стартов сходим вместе в какое-нибудь хорошее кафе. Ты будешь есть мороженое, а я – пить молочный коктейль. Как, не против? Пойдешь со мной?

Карина только и могла, что моргнула изумленно. Да нет, быть такого не может, это ей снится... Было ужасно досадно, что рядом нет никого, ни Алки, ни Риммы, ни еще кого-то из девчонок. Да они бы умерли, они просто умерли бы, услышав, как предмет их тайных вздохов приглашает Карину в кафе. Вот если бы Всеволод, а не гостеприимный хозяин гладил Римме Волгиной коленку под столом, сияя своими невероятными синими глазами, золото России точно оказалось бы под угрозой!

– Пойду, – наконец выговорила она. – Конечно! Только Мир потом с меня три шкуры спустит за прибавку в весе. Но это ничего, это ерунда, не привыкать. Да, кстати, спасибо тебе... А что ты ему сказал такого, что он про меня сразу забыл?

Всеволод задумчиво посмотрел на нее.

– А вот об этом, – сказал он наконец, – я скажу тебе послезавтра. В кафе. За мороженым и коктейлем. Договорились?

И опять засверкала эта улыбка, от которой Карина тоже мгновенно обо всем забыла. Это была минута головокружительного счастья.

Но ни в какое кафе они не попали, потому что Всеволод сорвался с перекладины и в бессознательном состоянии был увезен в больницу. Однако вердикт врачей потряс команду. Оказывается, причиной падения была вовсе не неосторожность, а инфаркт, внезапно поразивший молодого спортсмена. Всеволод долго находился в реанимации, потом на специальном самолете был отправлен в Москву. Стороной, уже позднее, до Карины дошли слухи, что он лежит в кардиоцентре, и состояние его считается безнадежным.

Мир Яковлевич был в шоке. Оказывается, за тем роскошным обедом Всеволод вдруг начал рассказывать ему о причинах своего страха, который губит его карьеру гимнаста! Его мать и сестра-близнец погибли от внезапно развившихся инфарктов. Мать умерла пять лет назад, сестра – через год. Никто из них никогда не чувствовал себя больным, не жаловался. Сам Всеволод был убежден, что у него сердце совершенно здоровое – уж спортсменов-то проверяют не слабее, чем космонавтов. Однако в глубине его души всегда жил тайный страх перед внезапным трагическим концом, словно бы мать и сестра, которых он так любил, оставили ему в наследство свое предсмертное отчаяние. Он хотел быть гимнастом, хотел этого больше всего на свете, однако так и не смог преодолеть себя. Исподволь в нем зрело решение покинуть большой спорт, пока он находится в расцвете молодости и удачи, но ничто, ничто не предвещало беды. Он не чувствовал ни боли, ни слабости, ничего такого. И Всеволод оттягивал, оттягивал исполнение своего решения, сколько мог. А накануне того приема ему приснился страшный, пророческий сон. Снилось ему, что чья-то грубая рука, короткопалая, покрытая рыжими густыми волосами, разорвала ему грудь и медленно начала вынимать сердце.

Всеволод проснулся от лютого страха и не мог уснуть до утра. Тогда он твердо решил для себя: это соревнование будет последним. Последняя бронза – и все, он уходит.

Именно об этом Всеволод и рассказал на обеде Миру Яковлевичу, поддавшись неодолимому желанию помочь веселой, смешной, хорошенькой Карине Синцовой, которая всегда ему тайно нравилась. Тренер был напуган, но не воспринял рассказа всерьез. А зря...

Сказать, что инфаркт Всеволода поверг в ужас обе наши сборные – значит ничего не сказать. И ведь это произошло в самый разгар соревнований! Утром работали мужчины, вечером должны были состояться выступления девушек. К тому времени известие о том, что у Всеволода Корнилова обширный инфаркт, уже дошло до команды, как ни пытались тренеры удержать это известие в тайне. Все девочки, как одна, появились в зале зареванными. Однако сама атмосфера больших, ответственных соревнований обладает дурманящим, зомбирующим, а значит, целительным свойством. Выступления начались не так блестяще, как хотелось бы, однако все же лучше, чем можно было ожидать.

Карина по жребию должна была выйти последней, Римма – перед ней. К этому времени молодая эластичность душ, музыка, блеск огней, аплодисменты, привычная торжественность обстановки, сам этот воздух, насквозь пропитанный потом, завистью, эгоизмом, восторгом и разочарованием, постепенно сделали свое дело. Ох, как знала, как любила Карина это особое облегченное состояние души, родственное, пожалуй, только религиозному экстазу, эту полную отрешенность от всего прочего мира, полное растворение в мгновении творчества! Она забыла обо всем, даже о Всеволоде. И изнемогала от нетерпения поскорее очутиться на помосте и принять в душу эту прану для избранных! Но перед ней должна была идти Римма.

Ее вольные упражнения, как всегда, состояли из неожиданных каскадов прыжков, прогибов и замираний в таких изощренных позах, которые казались невыносимыми для человеческого тела. Однако сегодня в отточенной чувственности движений этой чрезмерно худой девушки присутствовало еще и какое-то отчаяние, надрыв, который придавал ее безупречной пластике нечто новое, невыразимое словами, почти щемящее... Аплодисменты не утихали не менее четверти часа, а Римма принимала почести бледная, отрешенная, словно ничего не слыша. Едва шевеля губами от усталости, она попросила тренера отправить ее в отель, что и было немедленно исполнено, потому что Римма еле держалась на ногах.

На Карину, четко отработавшую свою программу, зрители почти не обратили внимания. Слишком прекрасна была на помосте Римма, чтобы кто-то мог с ней сравниться.

Это разочарование легло на душу Карины тяжелым грузом. Эйфория соревнований отступила, мысли о Всеволоде вернулись, не давали уснуть. Всю ночь она провела в слезах, забылась только под утро, и тут ее разбудил дикий крик.

Крик этот был так ужасен, словно человека живьем резали на куски! Карина в одной рубашонке вылетела в коридор, уверенная, что произошло нечто ужасное: землетрясение, например, или пожар, а может быть, даже конец света. Коридор гостиницы был полон полуодетыми, ничего не понимающими людьми. И тут крик повторился. Он шел из комнаты Риммы. Начали стучать, но никто не открыл. Прибежал дежурный администратор отеля с комплектом запасных ключей, и ворвавшимся к Римме людям открылось ужасное зрелище. Гимнастка лежала среди сбитых простыней в невыносимой, невероятной позе, с искусанными в

кровь губами, почти обезумевшая от боли, которая вдруг скрутила ее. Она даже не могла говорить, только время от времени исторгала эти нечеловеческие крики. Когда прибежал врач и попытался помочь Римме распрямить сведенное судорогой тело, она потеряла сознание.

Ее увезли в больницу, а утром стало известно, что у Риммы сложный перелом позвоночника. Очевидно, она сломала его во время последнего, самого эффектного кувырка, но, опьяненная успехом, даже не почувствовала этого.

Когда ее уносили на носилках, в коридоре стояла гробовая тишина. Утром три девушки заявили тренерам о желании уйти из сборной и из спорта вообще. Двух вскоре удалось переубедить. Непреклонной осталась только Карина.

* * *

Александра уехала, не дождавшись конца поминок. Еще надо было накормить как минимум одну смену, а потом придет черед родни сесть за стол. Значит, предстояло перемыть очередную гору посуды. Эту гору уже начали громоздить на кухне, где второй час, не меньше, топталась около раковины Александра. Но она сполоснула руки, окликнула одну из добровольных помощниц-соседей, сказала, отведя глаза: «Замените меня на минуточку» – и вышла из кухни в боковушку, где были брошены ее шубка и сумка. Накинула шубку, сумку спрятала под полу, чтобы избежать ненужных вопросов, а сама шмыгнула на заднюю веранду, откуда протоптанная в сугробах тропка вела к некоему дощатому строению. Она даже посетила это строение – и для пущей конспирации, и потому, что дорога предстояла долгая, – а потом, воровато поглядывая на пустое крыльцо и освещенные окна дома, за которыми мельтешили люди, выбежала за ворота и со всех ног понеслась по наскольженной дороге, стремясь как можно скорее оказаться подальше от этого дома.

Не бабушкину квартирку в Нижнем, а именно этот дом она столько лет считала родным, но теперь...

Теперь у нее было такое ощущение, что и отца – добродушного пьянчужку, и мачеху – смешливую, неунывающую и ласковую ко всему свету, от бродячей собаки до взрослой падчерицы с ее неудавшейся судьбой, да и сам дом под замшелой шиферной крышей, такой уютный в своей тесноте и нелепости, и

даже старый яблоневый сад, в котором он таился, – все это зарыли в одну могилу с Кариной, оставив на земле искаженные подобиya, призраки, враждебные ей, Александре, потому что мертвые всегда враждебны живым.

Неподалеку от дома была автобусная остановка, доехать до автовокзала можно за пять минут, но человека, целенаправленно ждущего автобуса, в Сергаче посчитали бы сумасшедшим. Здесь предпочитали пешее хождение, а на автобус садились только тогда, когда уж деваться было некуда: вот ты идешь, вот он едет, и вам по пути.

Александра несколько раз оглянулась, но улица таяла во тьме, вокруг стояла тишина, и она решила не тратить время зря и идти пешком. Тем более что с каждой минутой все сильнее расходился ветер, снег колюче бил в лицо, и стоило Александре чуть замедлить шаг, как она начала дрожать.

Ничего, авось не замерзнет. Надо бежать во всю прыть, чтобы успеть на последний рейс в город. Завтра с утра у нее обход участка.

Строго говоря, можно было бы уехать утренним шестичасовым автобусом, как раз к девяти успела бы на работу, но провести еще одну ночь в этом доме... нет!

Левой руке что-то ужасно мешало, рукав шубки словно бы сузился и стал тесным. Александра мучилась-мучилась, потом не вытерпела: пошарила в рукаве и обнаружила там скомканный шарф. И только тут она сообразила, что выскочила, впопыхах даже головы не покрыв. Немудрено, что зазябла!

Страхнула с волос снежок, щедро запорошивший их, и накрыла голову шарфом. Он был довольно узкий, большого проку не принес, а шапку она забыла в отцовом доме. Но за ней уже некогда возвращаться, да и не вернулась бы туда Александра, даже если бы ей грозил менингит после сегодняшнего путешествия!

С шапки-то все и началось...

Кое-как очнувшись под присмотром добрейшей Лидии Ивановны и осмыслив страшную новость о смерти сестры, Александра поднялась в свою квартиру и

начала звонить в Сергач. Ни отец, ни мачеха к телефону не подходили, но наконец трубку взяла соседка Синцовых (у них был спаренный номер) и подтвердила: да, несчастье случилось, никакой ошибки тут нет, Каринины отец с матерью сейчас сидят у гроба, потому что завтра похороны, и если Александра хочет еще раз поглядеть на сестру, то она должна поспешить.

Александра взглянула на расписание автобусов, пришпиленное к обоям в прихожей. Через два часа последний рейс. Боже мой, еще два часа...

– Что, так и поедешь? – всхлипнула Лидия Ивановна, которая не отходила от своей молодой соседки, то и дело протягивая к ней руки, словно готовая подхватить, если Александра снова упадет. Да и то сказать, девчонку шатало при каждом шаге... Лицо у Лидии Ивановны от непрерывных слез было красным, опухшим, словно бы распаренным.

– А что? – слабо шевельнула губами Александра.

– Да ты, мать моя, хоть под душ залезь да переоденься! – всплеснула руками соседка. – Разве можно тебе в таком виде на люди показываться, да еще на похороны ехать? Два шага не сделаешь, как в вытрезвилку заберут!

Это уже знакомое слово заставило Александру вспомнить все, что с ней происходило. Поглядела на себя в зеркало – и медленно закрыла глаза, покачав головой.

Да, не то удивительно, что Золотовы приняли ее за бомжиху-наркоманку, а то удивительно, что веснушчатый голубоглазый милиционер ее чудесным образом узнал и поступил так по-доброму. Заявиться в таком виде в Сергач – это... это будет просто...

Пока Александра торопливо намыливалась под душем, смывая горячей тугой струей грязь, пот и слезы, Лидия Ивановна приготовила ей одежду: черную юбку и черный свитерок. Александра сама ее попросила подобрать вещи: зайти в комнату Карины, где стоял их общий гардероб, посмотреть на ее строго, мертво прибранную (сестра так аккуратно никогда не заправляла!) постель не было сил. Но при виде ненавистного черного цвета, который Александра никогда не носила, слезы снова хлынули из глаз.

Она отказалась от чая, хотя желудок давно подвело, и включила фен, чтобы подсушить волосы. Фен не работал. Александра вспомнила, как обнаружила его перегоревшим несколько дней назад и начала ворчать на Карину, которая умудрилась за месяц пережечь второй фен. Сестра сначала отшучивалась, потом надулась. Александра убежала на работу сердитая, так и не помирившись с ней, а ведь это было как раз в тот день, когда ее похитили, – значит, как раз в тот день, когда Карина погибла!

Раскаяние ударило в сердце так, что Александра согнулась от боли.

С трудом справившись с собой, вытащила из ниши шубейку, зимние сапоги: в Сергаче почему-то всегда холоднее, чем в городе, хоть и находится он южнее, да и в автобусе будет не больно-то жарко.

Шапка куда-то запропастилась. Александра нервничала, искала ее, выбрасывая все подряд из ниши, перетряхивая несколько раз одни и те же вещи, с ужасом ощущая, что сил больше нет держать зубы стиснутыми, что еще минута – и разразится жуткой истерикой, но тут Лидия Ивановна взглянула на часы, ахнула: «Да ты опаздываешь, мать моя! А голова-то мокрая!» – и нахлобучила на нее Каринину шляпку. Шляпа была норковая, новенькая, коричневая, вся искрящаяся блестками дорогого меха. Александра подняла было руку – снять, но бросила взгляд на часы и, забыв обо всем, вылетела из дому, едва успев схватить первую попавшуюся сумочку и сунуть в карман деньги, предоставив закрыть дверь опять-таки Лидии Ивановне.

Она не опоздала на автобус только каким-то чудом, и все два часа пути провела в состоянии, близком к полубморочному, пытаясь сдерживать слезы, чтобы не привлекать к себе внимания, но они так и лились из глаз при каждом воспоминании о сестре. Дороги она не помнила, вообще ничего не помнила, как вдруг, очнувшись, обнаружила себя на освещенном крылечке отцовского дома, а в дверях – сгорбленную мачеху, которая смотрела на нее мертвыми глазами и скрипела сквозь провалившиеся губы:

– Ты? Заявилась наконец-то! Это же надо...

Она слабо покачала головой, с которой сползла шаль, открыв еще недавно черную, смоляную, а теперь сплошь поседевшую голову. И тут же принялась натягивать шаль, старательно убирая под нее растрепанные пряди.

Александра была так потрясена видом Ангелины Владимировны, что даже не слышала ее слов. Наконец мачеха повернулась и ушла в комнаты, а Александра тупо стояла в сенцах, не зная, что делать, пока не выглянул какой-то перекошенный старичок и не буркнул раздраженно:

– Дверь закрой, дура, по ногам несет.

– Папа... – слабо выдохнула Александра, с трудом узнавшая отца, но тот отмахнулся:

– Ладно, проходи, коли пришла. Только не раздевайся, мы не топили. – И скрылся за дверью.

«Почему они не топят, ведь в доме лютая стужа?» – не могла понять Александра, наблюдая, как изо рта вырывается слабенькое облачко пара. Но стоило войти в горницу, в которой вся мебель была сдвинута к стенам, чтобы освободить место для стола, на котором возвышался заваленный еловым лапником гроб, как она поняла – почему. Сквозь острый хвойный дух, сквозь сладковатый аромат свечей все же пробивался неодолимый, ничем не оборимый запах смерти: тело Карины, застывшее в морге, потихоньку оттаивало.

Отец с матерью сидели у изголовья. Рядом тихо плакали две какие-то девушки. Все были в пальто, в валенках, и даже на рясу худого монаха, который монотонно читал что-то из большой книги, был наброшен короткий тулупчик. Еще один такой же худой монашек в таком же тулупчике сидел, съежившись, в углу, наверное, ожидая, когда настанет его черед читать каноны.

Александра подтянула к себе стул и села в ногах сестры, почему-то робея подойти ближе. Отсюда она видела только краешек воскового лба над зеленой ветвей.

– Уста мои молчат, и язык не глаголет, но сердце вещает: огонь бо сокрушения, сие снедая, внутрь возгорается, и гласы неизглаголанными Тебе, Дево, призывает... – то возвышая голос, то переходя на шепот, бормотал монах. – Святых Ангел священным и честным рукам преложи мя, Владычице, яко до тех крылы покрывся, не вижу бесчестного и смрадного и мрачного бесов образа...

Через некоторое время девушки встали, робко погладили по плечу Ангелину Владимировну – и ушли, на прощание скользнув по Александре глазами, остекленевшими от слез, но все-таки полными живого, неутихающего девичьего любопытства. Это были Катя и Зоя, с которыми в детстве дружила Карина, Александра узнала их, но не могла вспомнить фамилий. А это было почему-то очень важно – вспомнить. Она даже зажмурилась от усилий, а когда с сожалением открыла глаза – на ум так ничего и не пришло, – вдруг перехватила взгляд мачехи, устремленный вслед уходящим девушкам. И Александра вздрогнула, пораженная выражением жгучей ненависти, которая светилась в этом темном, угрюмом взоре.

«Вы живы, а она мертвая! – чудилось, кричали глаза осиротевшей матери. – Почему вы живы? Какое вы имеете право быть живыми?!»

Александра испуганно смотрела на Ангелину Владимировну, и та, словно почуяв что-то, перевела взгляд на падчерицу, потом поспешно отвернулась – снова уставилась в лицо мертвой дочери. Александра съежилась на стуле, уверяя себя, что ненависть в глазах мачехи ей просто померещилась, что этого не может быть...

И все-таки она не смогла заставить себя пересест поближе к Ангелине Владимировне, которая, впрочем, больше ни разу не взглянула на нее. Александра так и провела всю ночь в ногах покойницы, ослабевшая и отупевшая от горя, изредка проваливаясь в дремоту, навеваемую монотонным голосом монахов, которые сменяли один другого, печально и безответно вопрошая неведомо кого:

– Душе моя, душе моя, восстани, что спиши? Конец приближается, и нужда ти молвити. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, иже везде сый и вся исполняяй...

Когда рассвело, монахи ушли, а прочего народу в доме прибавилось. Появились соседки, товарки Ангелины Владимировны по школе, принесли какие-то продукты, начали готовить поминальный обед. Вскоре по дому властно поплыли запахи мясного, наваристого борща, блинов, жареных кур.

Потом на улице забили в литавры оркестранты, возникли какие-то простоволосые мужички со скорбно поджатыми губами и черными повязками на рукавах. Ангелина Владимировна заголосила, к ней присоединились старухи-плакальщицы, и Александра как провалилась в какую-то мутную, неразличимую, неслышимую полутьму, так и вынырнула из нее только на кладбище, увидев, что стоит на грязном, затоптанном, смешанном с глиной снегу и бросает ком земли на крышку гроба, стоявшего где-то глубоко, невероятно глубоко внизу.

– Карина! – выкрикнула она, вдруг окончательно поверив и осознав, что это не шутки, не бред, что сестра в самом деле умерла, даже похоронена, а Александра не помнит ни лица ее, ни голоса, ни самих похорон... Самое ужасное было именно в том, что она ничего не помнила. Губы ее были ледяными, но от холода или от прощального поцелуя – Александра не знала и этого.

– Карина!

– А, завывала, волчица, – тихо сказал кто-то рядом, и Александра, покосившись, увидела рядом черное лицо мачехи. – Ну как, довольна?

– Ангелина, ты что? – испугался отец, робко беря ее за руку, но мачеха резким взмахом отшвырнула его, да так, что Синцов еле удержался на ногах, – а потом закричала, уставившись в лицо Александры незрячими, сплошь черными, провалившимися глазами.

Нет, это был даже не крик, а именно вой – неразборчивый, бессвязный, бессмысленный, – однако сквозь рыдания порою прорывались слова, и были они такими, что Александра, услышав их, захотела исчезнуть, исчезнуть отсюда, а еще лучше – лечь в могилу рядом с Кариной и умереть. Потому что Ангелина Владимировна желала именно этого, только это могло бы утешить ее сейчас в страшном, невыносимом горе...

Не выдержав, Александра повернулась и побрела куда-то не глядя, но тут же ее с двух сторон схватили за руки какие-то женщины. Их лица неярко маячили в полутьме, которая реяла вокруг Александры. Вроде бы одна была та самая соседка Синцовых, с которой Александра говорила вчера по телефону, а вторая тоже какая-то знакомая, но кто именно – разве вспомнишь сейчас?

– Саша, ты что? – зашептали они хором, одинаково испуганно вглядываясь в ее лицо. – Саша, да ты не принимай близко к сердцу... Она ведь не в себе, Ангелина-то, она умом сдвинулась! Все-таки единственную дочь в могилу положила!

Александра сделала попытку вырваться, но не смогла.

– Саша, да разве можно! – опять зашептали женщины, еще крепче цепляясь за нее. – Ну как ты уйдешь? Не позорь отца, его и так перекосило на всю левую сторону. И себя не позорь. На поминки народу знаешь, сколько придет? На стол подавать надо, посуду мыть... Следить за всем надо, хозяйским глазом приглядывать. Кроме тебя, никому!

Незаметно для Александры женщины вывели ее с кладбища и, как ни пыталась она свернуть к автовокзалу, повлекли за вереницей, тянущейся к дому Синцовых. Постепенно Александра смирилась, перестала вырываться.

В самом деле, что значили оскорбления обезумевшей от горя мачехи по сравнению со смертью Карины? Нельзя, чтобы день ее похорон закончился скандалом в семье, Александра перетерпит как-нибудь, а к вечеру Ангелина Владимировна, может быть, немного успокоится, поймет, что наговорила напраслины, небось еще и прощения попросит...

Но напрасно Александра надеялась. Стоило ей войти в комнату, где был накрыт стол, как она натыкалась на взгляд Ангелины Владимировны, и выражение ее глаз было таким, что у Александры начинали трястись руки, борщ выплескивался через край тарелки, стопка блинов угрожающе кренилась, и она лишь чудом не роняла тарелки. В конце концов, не выдержав, Александра скрылась на кухне и здесь, возле раковины с грязной мыльной водой, получила недолгую передышку. Она мыла, мыла, споласкивала, споласкивала эти бесконечные тарелки, которые невесть откуда возникали и пропадали невесть куда, но вдруг ее словно бы шилом в бок ткнули. Обернувшись, Александра увидела в дверях мачеху, которая стояла, вытянув шею, и смотрела, смотрела на нее...

Тут же появилась соседка, схватила Ангелину Владимировну за бока, утащила в коридорчик, бормоча что-то успокоительное, а Александра устало оперлась на раковину и так стояла, пока вода не начала выплескиваться через край. После

этого она еще поработала несколько минут, а потом почувствовала, что начинает задыхаться. И тогда она ушла, понимая, что в последний раз переступает порог этого дома, что не вернется сюда никогда.

Она почему-то тащилась еле-еле, скользя и спотыкаясь на каждом шагу. Приостановилась под фонарем и посмотрела на часы.

Господи! Она опоздает, точно опоздает на последний автобус! А еще так далеко...

Обернулась растерянно – и вдруг увидела в снежной круговерти приближающиеся фары. Махнула рукой без всякой надежды, однако фары приветливо мигнули, и потом большой черный автомобиль притормозил рядом с Александрой.

Она начала бестолково терзать ручку двери, бормоча:

– Подвезите до автовокзала, пожалуйста.

Дверца почему-то никак не открывалась, а сквозь затемненные стекла не было видно внутренности кабины. Александра билась в дверцу, как бабочка – в окно, но вдруг кто-то мягко взял ее за руку:

– Погодите. Этак вы дверь сломаете, как тогда ехать?

Александра покосилась на высокого парня с припорошенными снежком волосами, мимолетно удивилась, что в такую стужу он бегаёт по улицам без куртки, в свитере, а потом под его умелой рукой дверца открылась, и она неловко взобралась на высокое сиденье.

Место водителя было почему-то пусто, Александра оглянулась, но дверца за ее спиной уже захлопнулась. Она растерянно моргнула, но тут же за руль вскочил человек, почему-то показавшийся ей знакомым. Снег таял на его светлых волосах и толстом свитере.

Да ведь это тот самый парень, который помог ей открыть дверь!

«Как он здесь оказался?» – не в шутку озадачилась Александра, но тотчас до нее дошло, что это и есть водитель автомобиля.

– Вам до автовокзала, я правильно понял? – уточнил он.

Александра кивнула.

Заработал мотор.

– Ого, колотун какой на улице! – постучал зубами парень. – Включу-ка я печку, вы не против?

Она снова кивнула, и тотчас раздалось чуть слышное гудение. Повеяло теплом, таким блаженным, что Александра счастливо вздохнула, постепенно переставая дрожать.

Автомобиль тронулся с места. Тихонько играла музыка, совсем чуть слышно, Александра даже не могла разобрать мелодию, но это было приятно. Водитель молчал. Александра тоже не испытывала особого желания вступить в светскую беседу.

Она склонила голову на спинку сиденья. Какая красивая машина, как тут тепло и хорошо. Жаль, что нельзя доехать до Нижнего, у нее денег таких нет, да и неизвестно, куда направляется этот человек, может, им совсем не по пути. А как было бы хорошо...

Александра вздохнула, пытаясь подавить зевок. В тепле, полумраке глаза закрывались сами собой. Господи, это сколько же времени она толком не спала? Трое суток в подвале, да вчерашнюю ночь... Так устала, что даже нет сил горевать по сестре. И обида на родных растворяется в этой усталости, в сонливости. «Ладно, в автобусе посплю. А сейчас только вздремну, пока мы до автовокзала едем, на одну минуточку», – пообещала она себе и с наслаждением смежила нестерпимо тяжелые веки.

* * *

– Геля! Геля! – окликнул кто-то.

Гелий обернулся. Голос был вроде бы знакомый, но в то же время и нет. И не понять, откуда кричат.

– Геля! Иди сюда!

Вот оно что: зовут из двора Ховриных. Что ж там такое приключилось, что кричат с таким отчаянием? Он пошел – сперва медленно, потом быстрее.

С опаской приоткрыл калитку – у Ховриных была здоровенная псина по кличке Супермен, а попросту – Супер. Он, конечно, не набросился бы на Гелия, но иногда любил показать, кто в этом дворе хозяин. Однако сейчас Супера, очевидно, загнали в дом, чтобы не пугал людей; хозяйка махала ему с крыльца:

– Ой, иди сюда, Христа ради!

– Здравствуйте, Елизавета Петровна, – настороженно сказал Гелий, не веря глазам: всегда улыбчивое, добродушное лицо соседки было красным, распухшим. – Что-то случилось?

– И не говори! – всхлипнула она, скрываясь на летней веранде.

Гелий осторожно поднялся по ступенькам, ожидая какой-то неприятности. Но то, что предстало глазам, заставило его покачнуться.

Вся небольшая летняя веранда была забрызгана кровью. Потёки уже потемнели и засохли, почему-то первой мыслью Гелия было, что их теперь нипочем не смыть, придется отдирать вместе с обоями. И еще чем-то коричневым, темным были измазаны стены и пол, на котором... Он только раз глянул – и выскочил обратно на крыльцо, пытаясь подавить рвотный спазм. Зачерпнул из бочки дождевой воды, плеснул в лицо, потом еще раз, еще. Стало немножко легче.

Устыдясь своей слабости, Гелий на ватных ногах вернулся на веранду, где навзрыд плакала Елизавета Петровна, беспомощно глядя на громадную овчарку – вернее, ее труп. Уже заоченелый, обезглавленный труп...

Вся шерсть Супера была в крови и вдобавок покрыта чем-то отвратительным, черным и зловонным. Гелий понял, что неизвестный убийца не только прикончил пса, но и надругался над ним, унизил несчастное животное, вымазав его и веранду своими экскрементами.

Тошнота опять подкатила к горлу. Гелий схватил под руку Елизавету Петровну и вместе с ней выскочил на крыльцо. Остановился, прижал к себе соседку. Он был невысокий, худой, но Елизавета Петровна оказалась так мала ростом, что даже ему едва доставала до плеча. Она уткнулась юноше в грудь и дала волю слезам.

– Кто... мог? Зачем? За что?.. – толчками рвалось из горла вместе с рыданиями.

Гелий промолчал. Супер был известен своим крутым нравом. Даже ближайшие соседи опасались открыть калитку, предварительно не вызвав криком Елизавету Петровну или ее внука Петьку. Бродяг, которые иногда наваливались на поселок, особенно после окончания летнего сезона, когда дачники разъезжались, и начинали почем зря шерстить погреба и сараюшки с коптильнями, Супер чуял за полверсты и начинал заходиться в приступах грозного лая, отпугивая таким образом бомжей не только от своего двора, но и от соседних. А уж стоило ему, громахая цепью по металлическому тросу, тянувшемуся через двор, домчаться до забора и, встав на задние лапы, высунуть свою огромную черную голову, как у самых отчаянных разбойников начинались нервные судороги, и они, развернувшись, улепетывали на полусогнутых, давая себе страшные клятвы искать поживу где угодно, только не на этом конце Слободской улицы. Супер не спускал даже мальчишкам: за забором было футбольное поле, и, если мяч невзначай перелетал через забор, выручить его можно было, только если дома оказывались хозяева. Боже упаси сунуться во двор! Супер был пострашней собаки Баскервильей. И его хозяева, и их ближайшие друзья, вроде братьев Мельниковых, Эльдара и Гелия, отлично знали, что Супер никогда не пустит в ход зубы, а с теми, кто ему по душе, вообще будет вести себя, как шаловливая болонка. Но они благоразумно держали эту информацию при себе, так что воистину зверский образ Супера держал весь остальной поселок в страхе и уважении.

– Вы проверили – в доме все цело? – спросил Гелий, понимая, что любые утешения окажутся сейчас бесполезными, и прекратить эти отчаянные рыдания соседки можно, только заставив ее подумать о чем-то практическом.

Она слабо махнула рукой:

– Не успела. Я как вошла во двор, увидела, что Супера нет, а веранда нараспашку – и туда. А здесь... О господи, о господи, хорошо, хоть Петьки нету, остался на станции в игровом зале! Это часа на два, не меньше. Как раз хватит времени все убрать. Геля, родненький, ты мне поможешь? А? – Елизавета Петровна подняла изуродованное слезами, умоляющее лицо.

Гелий нервно сглотнул, отвел глаза.

– В милицию надо позвонить, – сказал он, чувствуя себя ужасно оттого, что придется опять войти на веранду, увидеть все это, прикасаться... – Обязательно надо в милицию!

Руки Елизаветы Петровны бессильно упали.

– Не пойду, – глухо сказала она. – К Малявке? Не пойду! Какой смысл? Только унижений натерпишься!

Гелий вздохнул. Натерпишься, уж точно. Малявка, начальник станционной милиции, – он такой! Живет в Москве, в Озерное только на работу ездит, для него все в поселке – спекулянты, а дачники – дармоеды. Иногда Гелию казалось, что Малявка опоздал родиться лет на сорок. Да, еще отец рассказывал, как в 60-е годы крушили почем зря приусадебные хозяйства, заставляли резать скотину. Опять вползло в обиход словечко «кулак», ну а каждый, кто не принадлежал к числу пролетариата, был, стало быть, спекулянтом. Вот и Малявка словно бы вывалился из тех времен вместе со своими ухватками и терминологией! Всех дачников он считал «новыми русскими» и частенько подпускал вслед: «Всех вас будем ссылать на Южный берег Северного Ледовитого океана!» По-человечески Малявка обращался только с Корниловым... но это надо быть полным идиотом, чтобы не обращаться с депутатом Корниловым по-человечески! Гелий сам не видел, но были в поселке люди, которые уверяли: когда Леонид Васильевич Корнилов зачем-то заходил в отделение, Малявка провожал его на полусогнутых, что при его богатырском росте и семипудовой фигуре выглядело комично. Даже дверцу корниловского «мерса» отворил и придерживал, пока Леонид Васильевич не сел и не отпустил начальника милиции милостивым взмахом руки. И про Южный берег Ледовитого океана Малявка с ним помалкивал. А с остальными был сущим Держимордой.

– Ладно, вы пока проверьте дом. Только зайдите с другой стороны, чтоб не ходить мимо...

Гелий легонько подтолкнул Елизавету Петровну в обход дома, а сам пошел к коптильне. Он давно уже приметил, что замка на двери нет, а засов просто заложен.

Открыл дверь, постоял, привыкая к темноте. И невольно присвистнул.

Да, хорошо поработали! От кур, повешенных над коптильней, конечно, и следа не осталось. Да что куры! Вешала сорваны, крючья исковерканы, даже бок чугунной коптильни украшен вмятиной. А вот в углу и «орудие труда» прислонено – могучая кувалда. А самое мерзкое – эта вонь.

Гелий отшатнулся, едва не наступив на зловонную кучу. И коптильня вымазана этой гадостью, как стены на веранде.

«Да у них что, медвежья болезнь была?» – подумал с бессильным отвращением и вышел на воздух.

В доме открылось окошко, выглянула Елизавета Петровна:

– Ничего не тронута, не разгромлено, только погреб открыт. Прошлогодние банки с соленьями все вынесли. И новое варенье. И холодильник обчистили, и буфет. Ну и аппарат, конечно, уволокли. А деньги у меня оставались неприбранными на нижней полке буфета, аж двести рублей, – не тронули. Что ж, им только выпить и закусить надо было?

Голос ее был усталым до безжизненности. Не дрогнул даже при слове «аппарат». А ведь самогонный аппарат достался Елизавете Петровне от матери и был ее гордостью. Сам Гелий по младости лет и слабому здоровью практически никогда не пил, разве что шампанское на Новый год, однако Эльдар со знанием дела уверял, что медовую самогонку Елизаветы Петровны можно продавать наравне с «Шустовской», которая, как известно, тоже на меду, – и еще неизвестно, которая водка будет признана лучшей, «Шустовская» или «Ховринская»!

«Бомжи, – подумал он. – Больше никому. Городские налетчики взяли бы телевизор или Петькину «Дэнди», а уж мимо денег точно бы не прошли. И в коптильне бы не нагадили. Это бомжи! Неужели Деминых рук дело?! Нет, даже он на такое не способен!»

Гелий скрипнул зубами. Не способен? А кто его знает, этого Дему, сукина сына Дему! Гвоздь в сапоге у всего поселка, чирей в неприличном месте, чесотка неизлечимая, стригущий лишай! Гелий один раз сам видел, как бабулька Самохвалова, у которой Дема две осени подряд, тихими темными ночами, выкапывал картошку, ставила в церкви свечку комлем вверх, что означало – на погибель. При этом она пришептывала имя Демы. Грех смертный, на такое пойдешь только от великого отчаяния! Но самое обидное, что зря взяла грех на душу бабулька – Демину заскорузлую, годами немытую шкуру и серебряной пулей не пробьешь, что ему какая-то тоненькая свечечка, пусть даже комлем вверх! К тому же, не пойман – не вор. Подумаешь, видел кто-то Дему на соседней станции, весело торгующего картохой по бросовой цене! Нашелся один смелый – спросил: откуда, мол, дровишки? «Да так, один мужик продать поручил, – отболтался Дема. – Это ж только вы меня за шваль держите, а имеются люди, которые подальше носа своего видят! И понимают, что лидеру движения «За либеральную Россию» можно доверить даже судьбу страны, а не только мешок картошки!»

Деминого настоящего имени никто не знал. Дема – это от слова «демократ». Он появился в Приречном с пяток лет назад – седобородый, косматый, нестриженный, невероятно грязный – и поселился в старом пионерлагере. Тут как раз лагерь купили какие-то богатые люди для своей базы отдыха и турнули Дему. Дема же уходить не захотел. Он полагал, что со своими боевыми заслугами перед новым обществом вполне может претендовать на тепленькую должность сторожа будущей базы отдыха. Он приволок кучу грязных, мятых, засаленных бумажек с невообразимыми печатями, иные даже на гербовой бумаге. Из них следовало, что во времена оголтелой демократии данный господин являлся основателем и руководителем движения «За либеральную Россию», основным лозунгом которого было: «Россия без русских!» Поговаривали, что среди бумажек имелась положительная характеристика движения вообще, и Демы в частности, написанная самим Сахаровым. Однако даже это «светлое» имя не впечатлило новых хозяев лагеря, и Дему вторично попросили очистить близлежащее мировое пространство. Когда он отказался, вытолкали взашей.

Ну Дема сгинул неведомо куда, а через неделю лагерь в одну ночь сгорел дотла. Восстанавливать его никто не стал – овчинка выделки не стоила. Теперь погорелище поросло травой и молоденьким кустарником, а на его обочине Дема соорудил себе из оставшихся нетронутыми огнем досок балаган, в котором иногда принимал других бомжей. Гелию однажды довелось проходить мимо – как раз во время такого приема. Из балагана неслись сдавленные песенки Высоцкого, пахло марихуаной, в траве тискалась немолодая парочка, ветром ворошило страницы замшелого «Огонька» с портретом печально известного Коротича – словом, налицо был весь инфантильно-демократический набор!

Впрочем, по сути своей Дема был не демократ, а анархист, потому что он не понимал уважения к чужой собственности. Каждый огород, каждый погреб, каждый дом был для него свой. Правда, анархизм не простирался настолько далеко, чтобы шляться Деме по этим огородам, погребам и домам среди бела дня, у всех на глазах. Он выжидал ночи или отлучки хозяев и тогда тащил все, что попадалось под руку из еды, откручивал головы птице, безобразно ковырялся на огородах. А может, никаким он не был анархистом, а был просто сволочью, ворюгой, бывшим зеком, у которого тяга к разрушению в крови. А демократия, «За либеральную Россию», Сахаров и все прочие прибаамбасы – исключительно от нашей исконной интеллигентской привычки под всякое, даже самое гнусное, деяние подвести теоретическую базу.

Того, что Дема сидел, он никогда в жизни не скрывал: все-таки пострадал от коммунистического режима. И хотя он, как Малявка, попал не в то время – опоздал и на Соловки, и на Колыму, и, уж конечно, на строительство Беломорканала, – все же советская милиция пару раз начищала ему рыло: нос у Демы и по сию пору был заметно свернут вправо. В точности по его убеждениям!

Как-то раз Дему почти взяли с поличным. Вообще-то он обладал поразительной способностью выходить сухим из воды, но тут Валентина Ивановна Ковалева, бывшая учительница Озерной школы, а ныне пенсионерка, маясь бессонницей, выглянула в яркую, лунную ночь в окошко мансарды и увидела торчавший из картофельных кустов тощий мужской зад, рядом с которым стояла на грядке немалая корзина. Валентина Ивановна была женщина решительная, даром что подступила к своим семидесяти восьми. Она даже не стала будить мужа, а взяла его двуствольную пукалку, которую старикан Ковалев изредка выгуливал на ближних болотах, пугая выстрелами комаров, сунула в стволы два патрона и вышла на крыльцо. Дему она узнала сразу, но, сдерживая охотничий азарт, кралась по огороду до тех пор, пока не очутилась с ним лицом к лицу, и тогда

рявкнула:

– Руки вверх!

Дема медленно разогнулся – и в следующее мгновение уже швырнул корзину в старушенцию, а сам задал такого стрекача через огород, что только пятки засверкали. Вошедшая в азарт Валентина Ивановна влупила по нему дуплетом, Дема метался по грядкам, как слаломист, и ушел-таки. Однако возле забора обнаружилось несколько кровавых капелек, из чего можно было заключить, что грабитель понес не только ощутимый моральный, но и некоторый физический урон.

Весть о случившемся мгновенно разнеслась по поселку: и потому, что пукалка издавала неслабые звуки и разбудила половину спящих, и потому, что молодежная компания возвращалась с ночных купаний с озера и видела, как улепетывал Дема. Да и сама Валентина Ивановна не скрывала своей доблести. Она даже отнесла заявление насчет ночного грабежа в милицию, чтоб Деме впредь неповадно было. Однако Малявка порвал бумажку у нее на глазах, сообщив, что она перешла пределы необходимой обороны, и если Дема не дурак, то подаст встречный иск по поводу своих ран, и тогда еще неизвестно, кто окажется в узилище.

Валентина Ивановна была женщина интеллигентная. А советскому интеллигенту, в отличие от российского, ведь что нужно? Чтобы все хорошо было не только в его личной квартире, на участке, в фирме, в компании, а непременно в мировом масштабе! «Если я отступлюсь, кто остановит Дему?» – подумала героическая женщина и отнесла в милицию второе заявление. Малявка мученически завел свои маленькие глазки, но рвать его не стал.

А вскоре Валентину Ивановну остановил невдалеке от продмага огромный мужик с внешностью питекантропа-олигофрена и спросил, как пройти на кладбище.

Она объяснила – вежливо и подробно.

– Это хорошо, что ты знаешь дорогу, – ухмыльнулся мужик, и в его ощерившейся пасти тускло блеснуло золото. – А дедок твой тоже знает?

– Что вы имеете в виду? – насторожилась Валентина Ивановна.

– Сама прикинь, – загадочно сказал мужик и неторопливо отошел к магазину, где на доисторических бетонных плитах его поджидал... Дема.

Остолбеневшая Валентина Ивановна видела, как они обменялись несколькими словами, причем мужик цедил через губу, а Дема кланялся и оттопыривал зад, словно гомосексуалист-профессионал. Потом мужик сел в серебристый «Вольво» и усвистел в неизвестном направлении, а Дема поглядел на замершую Валентину Ивановну и торжествующе ухмыльнулся.

Так стало известно, что у Демы есть «крыша». И «крыша» серьезная...

На следующую ночь Валентина Ивановна проснулась от боли в висках. Опять поднялось давление! Полежала немножко, надеясь, что все само пройдет, потом поднялась, пошла на кухню, где была аптечка, – и невзначай взглянула в окно. Луна светила уже не столь ярко, как неделю назад, однако все равно можно было разглядеть, что по огороду не таясь, по-хозяйски, разгуливает Дема, причем на сей раз его интересы простирались гораздо дальше молодой картошки: они тянулись и к кабачкам, огурцам и болгарским перцам.

Валентина Ивановна на деревянных ногах вышла в прихожую, сняла со стены пукалку, зарядила ее... и свалилась без памяти. Когда ее нашел муж, она была еще жива, но «Скорой» не дождалась.

Через полмесяца после ее смерти умер и старик Ковалев. Дети их жили в городе, они приехали на похороны, заколотили дом и выставили его на продажу, однако вскоре дом среди ночи запылал, и пожар удалось погасить, лишь когда от дома остались обугленные кирпичные стены. До осени Дема пасся на огороде Ковалевых, как на своем собственном, и никто не смел ему слова сказать.

В сердцах жителей Озерного начал укореняться страх. И теперь если кто-то обнаруживал урон в огороде, погребу или коптильне (многие в Озерном жили тем, что продавали пассажирам проходящих поездов или возили в Москву кур домашнего копчения), если снято было оставленное на ночь на сушилах белье, если пропадала кошка или дерзкая собачонка, никто и слова не смел сказать. Дема и его гости расхаживали с довольными физиономиями. Словом, это был натуральный террор.

Мало кто не боялся Демы и его «крыши». Ховрины и Мельниковы – вот, пожалуй, и все. Ховрины – потому что жили под охраной Супера. Гелий Мельников – потому что был слишком еще молод и верил в справедливость, а его брат Эльдар – потому что поселковые дела его ничуть не волновали.

Эльдара вообще ничего не волновало, кроме его рухнувшей жизни. Три года назад он был преуспевающим московским мануальщиком – богатым, со сложившейся клиентурой. Но вот однажды к нему пришла известная журналистка, предъявила корочки одной из популярнейших газет и сообщила, что желает написать о чудо-руках Эльдара Мельникова, поэтому пожалуйста дать интервью. Эльдар интервью дал, позволил журналистке присутствовать на своих сеансах и настолько восхитил ее, что девица решила сама на себе испытать целительную силу мануальной терапии. Не то чтобы у нее что-то болело – так, изредка ломило спину от долгого сидения перед компьютером.

Когда Эльдар взялся за дело...

Потом молодая женщина рассказывала, что сила его рук была такова, что ей казалось: вот-вот мануальщик продавит спину насквозь. Терпеть становилось все труднее, она шутливо запищала: вроде бы наглядной агитации достаточно! Однако Эльдар не собирался останавливаться. Заявив, что у журналистки смещение дисков, он прописал ей растяжение позвоночника на специальных приспособлениях, переразгибание и хвойную ванну, что и было сделано.

Спина не болела два дня, за которые журналистка торопливо наваляла восторженную статью и отдала ее в номер. А спустя месяц начались боли в паху. Потом стали неметь икры, словно их «отсидели». Потом заныла кожа на ногах, да так, что женщина не могла спать.

Памятуя о чудо-руках, поехала к Эльдару. Тот пожал плечами: «При чем тут я?» – и предложил сделать массаж. При этом жаловался: «У вас совсем нет мышечного корсета, нечего массировать!» Потом эта фраза стала эпиграфом для новой статьи о чудо-мануальщике, который устроил своей пациентке всего-навсего разрыв сосуда, снабжающего спинной мозг кровью. Это выяснилось после операции в Институте нейрохирургии, куда молодая женщина попала после того, как у нее отнялись ноги. Ходить она больше не смогла, даже после сложнейшей операции...

На Эльдара подали в суд. Чтобы выплатить компенсацию журналистке, пришлось продать родительское наследство – квартиру в Москве – и вместе с братом переехать в Озерное в дачную, еще дедовскую развалюху. Гелий перешел в местную школу, а Эльдар устроился в районный морг. Он и раньше, до того как подался в мануальщики, работал патологоанатомом – теперь вернулся туда, откуда ушел. Замоловил за него словечко один из бывших его пациентов – у которого, наоборот, после лечения исправилось застарелое смещение дисков, так что он был немало благодарен Эльдару. Фамилия его была Корнилов, он был депутатом Госдумы от НДР, близким к Черномору и Рыжику-младшему, считался человеком могущественным. Но даже он, при всей своей силе и власти, не мог запретить Эльдару пить и оплакивать свою загубленную жизнь. Корнилов имел в Озерном дачу недалеко от дома Мельниковых, разрушение Эльдара происходило на его глазах, и Леонид Васильевич старался встречаться с ним пореже. Младший сын его, Севка, был почти ровесником Гелия, какие-то два года разницы, однако дружбы между мальчишками не получилось: прежде всего потому, что Севка, звезда спортивной гимнастики, больше времени проводил за границей, чем в Москве, ну а появляться в Озерном у него практически не было времени.

А в этом году прошел слух, будто Севка Корнилов ушел из спорта по болезни, более того – прочно прописался в кардиоцентре и вроде бы на выздоровление даже не надеются. Дом Корниловых теперь большей частью стоял закрытым, Леонид Васильевич и его старший сын наезжали сюда только изредка – наверное, когда уж совсем немоготу становилось в Москве. Тогда Корнилова-отца можно было увидеть рано утром над озером, где он стоял, глядя на восходящее солнце, словно какой-нибудь древний язычник, вымаливающий у светила спасение единственного сына. Ну да, единственного, – ведь старший-то, Слава, был сыном его жены от первого брака, носил другую фамилию и Корнилову был не родной. А вот Севка... Корнилов уже потерял не так давно дочь и жену, смерть Севки была бы для него невыносима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Господин (молдав., румын.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-arseneva/obnazhennaya-t-ma>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)